

Артем Март

ЛИОФРІЯ

Назад в СССР

Артём Март

Шофёр. Назад в СССР. Том 2

«Автор»

2023

Март А.

Шофёр. Назад в СССР. Том 2 / А. Март — «Автор», 2023

Решил я в старости вернуться на родную Кубань. Пенсия, домик, пасека. Ехал-ехал, и не доехал. Автокатастрофа, смерть и... 1980 год? Я снова молодой шофер в колхозе? Вокруг поля, станицы, хутора, а на носу уборка урожая. Союз во всей красе! Сказка! А главное, в моей семье еще не случилась беда, и я смогу ее предотвратить. Но сначала дотяну до гаража свой сломанный "Газон". Эй! Товарищ! Возьми на буксир! Э?! Ты куда прешь?! А ну стой!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артём Март

Шофёр. Назад в СССР. Том 2

Глава 1

– Итак, товарищи, – Николай Иванович Егоров, член ревизионной комиссии, услышал чей-то уверенный молодой голос, обернулся на звук. – У меня для вас важное, по поводу Белки, заявление! Прошу слушать и внимать!

Николай Иванович очень удивился такой дерзости. Ведь всего мгновение назад он вздрогнул от резкого свиста, что издал этот забравшийся в кузов своей машины молодой мужчина.

– Вот, зараза, – забубнил заведующий гаражом Михаил Федотович Штанько, – шило в одном месте!

Николай Иванович, посмотрел на завгара удивленно. Неужели этот парень и раньше отличался такой активностью?

Вместе с Николаем удивились и Анатолий Сергеевич, еще один член комиссии, а также Марья Александровна – молодая девушка, что выполняла в комиссии больше технические, секретарские обязанности. Удивление прямо-таки горело на их лицах.

– Нет-нет, – остановил Николай Иванович рассерженного завгара, – я хочу послушать, что говорит этот гражданин, – очень вежливо сказал Николай Иванович.

– Да чего он тут может рассказать?! – Удивился завгар, – глупости всякие и ничего боле!

– Ну вы же коммунист, – нахмурился Егоров, – член первичной организации. И что же, не хотите знать, что же на уме у ваших молодых шоферов, раз они решаются на такие публичные выступления?

– Ну... я... – Замялся завгар, – не знаю...

– Да не нервничайте вы так, Михаил Федотыч, – улыбнулся Егоров, – это же очень интересно.

– Интересно то оно интересно, – втянув голову в плечи, сказал Федотыч, – да только... ну да ладно.

– Неужто вы переживаете, что он выдаст какие-то ваши организационные просчеты, как руководителя гаража?

– Да не-не! – Торопливо замахал руками завгар, – ничего такого не думаю!

– Ну тогда, давайте подойдем поближе, послушаем, чего же он захочет нам рассказать. Как, кстати, его фамилия?

– Зовут меня Игорем Семенычем Землицыным! – Крикнул я, – я знаю, что не все тут, в гараже, знают меня лично. Однако, такое чувство, будто все знают, что езжу я на этой, – я указал себе под ноги, – машине. На Белке. На той машине, что многие из вас считают порченной!

– Да чего ты тут, Лениным себя возомнил? – Крикнул кто-то из толпы.

– Чего ты нам чешешь? Слышали мы уж Васьки Ломова оправдания! Машины напугался, так сдай назад! А нас не задерживай!

– У нас работа!

– Ежели ни я! – Крикнул я, – кто ж еще вам мозги вправит?

– Эх! Нашелся!

– Да ну!

– Вот значит, как, – раздался другой громкий голос, – значит, нужно вам, дорогие товарищи шоферы, мозги вправлять?

Я перевел взгляд на обладателя этого голоса. То выступал высокий мужчина в пиджаке и при галстуке. Один из той самой ревизионной комиссии. Шел он к собравшейся вокруг машине толпы шоферов и был не один. Вместе с ним шли и другие члены комиссии. Федотыч, с очень недовольным раскрасневшимся лицом шагал рядом с высоким, почти на полторы головы выше него мужчиной. Тем, кто ответил мне.

– Меня зовут, – начал мужчина, – Николай Иванович Егоров. Я член общего собрания колхоза Новатор, как и вы все. Заседаю, также, в райкоме партии, на должности члена бюро райкома. Состою в ревизионной комиссии. И очень мне интересно стало послушать, зачем вам, дорогие товарищи, нужно вправлять мозги?

Шоферы вокруг зашептались. Я увидел в толпе смущенные лица. Выходит, стесняетесь перед коммунистом, что верите в суеверия? Ну, постесняйтесь, постесняйтесь. Может, поможет вам это смущение.

Когда мужчина закончил, я окинул взглядом не его одного, как до этого, а всю публику. Громко заговорил:

– Как и вы, слышал я историю про Белку. Слышал про те загадочные смерти шоферов, которых, как вы считаете, забрала с собой эта машина. Трое их было. И после того, считается у вас, товарищи, что эта машина порченная. Наверде как после товарища Фадина, никого она к себе не подпускает.

– Оно и верно! – Крикнул кто-то, – даже комсомолец, Вася Ломов с нее сбежал! А все потому, что несчастья у него начались в жизни, как только за руль еёшний сел! Факт!

– Факт не факт, – рассмеялся я, – да только не от того он Белку бросил, что решил, будто грозит она ему невезением, – я нашел в толпе Васю. Лицо его было обеспокоенным. Он мялся в нерешительности, – а потому что вы его, дорогие товарищи, застращали. И даже не его, а его молодую невесту, которая чуть было не бросила Василия!

Все вокруг загалдели. В толпе шоферов поднялся шум.

– Ну? Вася? Разве не так было? – Спросил я.

– Так оно все и было! – Решился Вася, – только так! Потому как общественное я порицание получил! Ни с того ни с сего!

Все шоферы вокруг притихли.

– Так вот! О чем я и говорю! – Крикнул я, – А теперь, скажу я вам вот что! Вы – самый суеверный коллектив, что я встречал! В армии, когда на службе точно так же, крутил я руль грузового автомобиля, никогда промеж нами такого не встречалось. А машины там ходили разные: и новые, и те, что еще Великую Отечественную застали. Иные не одного водителя сменили. И не все те водители вышли из-за руля живыми. Так у нас сроду таких глупостей не было!

– А чего ж ты так взбеленился, – крикнул кто-то, – ну коль не веришь, так и сидел бы, помалкивал! А раз прыгнул в кузов! Раз выступаешь тут, перед нами, так, видать, сам переживаешь! Убедить себя пытаешься, что все с этой порченной машиной хорошо!

– Ах вот как, – рассмеялся я, – а кто это там у нас говорит-то? А? А ну, выйди поближе!

Среди мужиков вышел вперед Иван Колиненко. Посмотрел на меня строго. Потеребил свой вислый ус.

– Иван Евгенич, – крикнул я, – так и знал, что это ты мне тут рассказываешь.

– Нашел кого учить, молодой, – надул он ноздри большого носа, – видал я уж не раз, как в машинах, где покойники бывали, потом и другие люди умирали. Как в авариях потом гибли!

– Видал-то видал, – сказал я, – только вот “после” не значит “из-за”.

Чего? – Не понял он

– Это я вот к чему! – Продолжил я, – Все помнят, что Павел Давыдов был первым белковским водителем.

– И дружили мы с ним крепко, – выпятил грудь Калинин.

– Тогда, Иван Евгенич, – посмотрел я на него, – вам внимательней других слушать надо. Чтобы понять. Так вот. Умер в кабине Белки Давыдов. А после него и Островнов преставился. По вашему мнению, это почему произошло?

– Потому как Белка никого, кроме дядьки Пашки не приемлет! – Решился кто-то.

– А то ж!

– Верно!

Кричали немногие. Знал я, что большинство шоферов стеснялись открыто говорить о том, что верят в такие суеверные вещи. Но были из них и убежденные.

– То есть, Островнов и другие, умерли в машине потому, – Начал я, – что умер в белкиной кабине Давыдов?

Шоферы пороптали.

– Ну да! – Крикнул кто-то.

– Получается так!

– А вот это и значит, “после” – Заключил я.

Все Шоферы снова загомонили. Послышались насмешливые возгласы, но уже не очень уверенные.

– А я же говорю, что не значит это ничего. Что все шоферы в белке умерли не потому, что Давыдов своей смертью ее испортил. А по другим причинам.

– Это по каким же?

– Да! Почему, по-твоему, умерли?!

– В чем же тут дело?! Просвети нас, хе-хе, просветитель!

– А вот и просвещу, – усмехнулся я, – потому это так произошло, что были все эти шоферы возрастные. Опытные. Именно опытным шоферам наш завгар привык новые машины давать. Не так, что ли? Скажи, дядь Миш? На новых КАМАЗах у тебя кто ездит?

– Федот Малинин, – растерянно заговорил завгар. Принялся озираться по сторонам, – И Андрей Панькин.

– И оба мужики под пятьдесят. Опытные, но еще крепкие. Так и тут было, с Белкой.

– Ну да, – пожал плечами завгар, – так надежней получается!

– Вот только у опыта есть и другая сторона, – сказал я, – сложнее тяжелые нагрузки переносить. Вот возрастные шоферы и не перенесли. Не выдержали ихние моторы.

– Что правда то правда, – раздался низкий мужской голос. Это вышел из толпы Федот Малинин. Высокий и крепкий, но лысоватый мужик с большими, словно медвежьими руками, – на прошлой уборке, стыдно признаться, поплохело мне на КАМАЗу. Особенно когда всю ночь возил ячмень на элеватор.

Вокруг слышались одобрительные возгласы от возрастных шоферов, мол да, бывает тяжеловато, но, говорить об этом не принято, вот никто и не жалуется.

– Вот, – сказал я, – потому и прошлые водители Белкины не жаловались!

Взгляд мой зацепился за того самого комиссара из райкома. Он, скрестив руки на груди, смотрел на меня и довольно кивал. Остальные смотрели удивленно.

– Так вот, в чем тут дело кроется. В возрасте и сложной работе, – сказал я, – а не в каком белкином проклятье, что вы выдумали себе, и каким ограждаете от себя мнимых вами “проклятых”!

Никто не возразил. Вокруг воцарилось внимательное молчание. Только иногда слышался смущенный кашель.

– А ведь выходит, дорогие товарищи, – продолжал я, – что не Белка-то опасная, а ваши суеверия! Это они чуть было личную жизнь Василию Ломову не разрушили. Но что еще хуже, могли привести к смерти человека!

– Это как это привести?!

– Как это, к смерти-то?!

– Не понять! Говори яснее!

– Степаныч! Механик наш по ремонту! – Крикнул я, – попал в больницу с инсультом!

В ответ на мои слова, Пашка Серый, которого я видел с краю толпы, плюнул и ушел прочь.

– И довезла его туда именно Белка! – Продолжал я, – Потому как с машинами на скорой проблема, пришлось мне, самому, его на Белке доставить! И знаете что? Жив он остался! Жив, хотя там сотрясение на инсульт наложилось! Пятьдесят на пятьдесят у него были шансы на жизнь! И выжил!

Шоферы снова зароптали, загомонили в ответ на это

– Значит, даже по-вашему, суеверному мнению, – вещал я, – никакая это не порченная машина! А наоборот счастливая!

– А ведь и правда!

– Ох и тяжелый был Егорыч! А Игорек его живым довез!

– И то верно! Живой он! Игорь – молодец! А Белка была ему в помощь! Вокруг стали доноситься одобрительные возгласы.

– Да вот только, – нахмурился я, – не будь меня, того, кто не верил во все эти предрас-судки, и смело сел за руль Белкин, умер бы Егорыч. Неважно, дружите ли вы с ним, или нет! Умер бы он! Умер человек! Станичник! Ваш сосед!

Толпа притихла.

– Потому что не сел бы никто за белкин руль, – продолжил я, – потому что не решились бы, вы, кто был тогда с нами, вести его таким опасным способом, на газоне. Потому что не дало бы вам ваше суеверие взять на себя такую ответственность! Ведь, когда я брал его в кузов, – повысил я голос, – я-то понимал, что может он в моей машине умереть! Что может это на меня тяжким грузом упасть. А вы, из-за своей суеверности, взять такую ответственность на себя боялись. Неправильно это, друзья-шоферы. Неправильно и губительно!

Вокруг воцарилась настоящая тишина. Все они, все водители стояли, притихнув, не отрывая от меня своих глаз. Удивленные как дети, они не знали, что же им сказать. Как же отреагировать.

– Но это не беда, – сказал я уже тише, – не беда, потому как, если в будущем, станете вы поступать иначе, отбросите эти суеверные глупости, то каждый, сможете быть на моем месте. Каждый из вас мог быть как я тогда, за рулем Белки. Потому как, отличает нас только то, что вы боитесь суеверий, а я в них не верю.

– А ведь и правда, – сказал кто-то, – глупое наше поведение какое-то было.

– Верно! Ты все рассудил! Правильно!

– Головастый, хоть и молодой! Я уже давно говорил, что глупости все это! Что бредни и верить в то, что Белка порченная не надо!

– Машина как машина! Не хуже других!

Одобрительные возгласы продолжались еще долго. Не стал я дожидаться, пока они схлынут, а выпрыгнул с кузова, закрыл его и пошел к кабине.

Шоферы вдруг облепили меня со всех сторон. Кто-то принялся извиняться, кто-то жать руки, хлопать по плечу.

– Это ты молодец! Вон как все разложил!

– И кто только в это все верил! Какие глупости!

– Молодец, Игорек! Вижу, как вправил ты некоторым нашим ихние мозги на место!

– Ну-ну! – Раздался над шоферским шумом громкий голос завгара, – давайте уж по машинам! И так задержались сегодня! Там поди уже телефон разрывается! Где, мол девались машины?! Идите-идите! Давайте!

– Вот это ты устроил, – улыбнулся завгар, подходя ко мне, – не ожидал! Чес слово, не ожидал!

– Да нужно было как-то их охолонуть, – сказал я, отнимая от груди Машку, которая прижалась, как только водители отступили, – иначе житья бы не было никакого.

– А я говорил, – с улыбкой подступил ко мне Олегыч, – еще Ваське говорил. С людьми разговаривать надо. А он одним делом только собрался им показать, что Белка простая машина. А ты вот, и делом, и словом!

– Отличная речь, – подошел ко мне тот самый Николай Иваныч, взглянув чуть свысока, потому как выше он был ростом, протянул руку.

– Готовились? – Спросил он.

– Неа, – ответил я, пожав его холеную пятерню конторщика, – доконали меня. Вот и вся недолга.

– Агитация так агитация, – улыбнулся Николай Иваныч, – достойная партии, я б сказал.

– Да не льстите вы мне, – я отмахнулся, – не стоит. Ну ладно! Бывайте. А я на рейс!

– Стойте, Игорь! – Позвал меня Николай Иваныч, и я обернулся, – задержитесь, пожалуйста.

– Это зачем же? – Нахмурился я.

– Можно ли вам задать несколько вопросов?

Глава 2

– А это не может подождать? – Сказал я, – мне надо на ток. Там, пади, заждались уже.

– Уверяю вас, – улыбнулся Николай Иванович, – это займет каких-нибудь две-три минуты.

Я окинул взглядом разбегающихся по машинам шоферов. Один за другим грузовики, из тех, кто еще остался в гараже, покидали территорию, поднимали своими большими колесами пыль.

– Ну давайте, если недолго. Какое у вас ко мне дело?

– Любопытство, – улыбнулся член комиссии, пригладил темные, зачесанные назад волосы, – проявили вы себя хорошо. И мне стало любопытно задать вам несколько вопросов.

– И правда, – сказал товарищ Николая Ивановича – невысокий и седовласый мужчина со строгим лицом, – смело вы это. Смело. Мало кто бы на такое решился.

– Ох да, – Николай Сергеевич как бы встрепенулся, – позвольте представить вам моих коллег. Это, – указал он на седовласого, – Анатолий Сергеевич.

Седовласый слегка поклонился.

А вот, – Николай Иванович показал теперь на девушку, – Марья Александровна. Не смотрите, что она такая молодая. Ударница. Секретарь комсомольской первички в Красной.

Марья Александровна. Тоже Маша что ли? Вот так забавность. Однако, нельзя было этой девушке отказать в красоте. Невысокая, но стройная, носила она темную юбочку чуть выше колена и белую блузку. Блузка подчеркивала ее тонкую талию и небольшую, но красивую грудь. А юбка, напротив, приятно облегла широкие бедра. Недлинные ее, по плечи, светлые волосы, девушка наносила по-деловому, в хвосте. Тонкие светлокожие ручки сжимали картонную папку с тесемками.

Светлое лицо Марьи было улыбчивым. На немного пухленьких щечках кокетничали ямочки при каждой улыбке. Светло-голубые глаза смотрели на меня с аккуратным интересом.

– Здрассти, – зарделась девушка.

Маша посмотрела на нее строго и с неким укором. Я мило улыбнулся медсестричке и она тут же помягчала.

– Так, а что у вас за вопросы-то? – Спросил я.

– Скажите, пожалуйста, – посмотрел на меня с интересом Анатолий Сергеевич, – вы не состоите же, в комсомоле?

– Не состоит, – Пискнула Марья, – я бы знала.

– Что ж ясно. Родители, надо думать, – продолжал Анатолий Сергеевич, – беспартийные?

– Беспартийные, – сказал я, – вся семья у нас беспартийная.

– Скажу вам прямо, товарищ, – улыбнулся Анатолий Сергеевич, – есть у вас все шансы это исправить. Ну, давай, Марья Александровна, чего ты хотела Землицыну предложить?

– Не хотели бы вы вступить в нашу первичную комсомольскую организацию? – Спросила девушка, борясь со смущением.

– Неудачное время вы выбрали для таких предложений, – я улыбнулся.

Марья как-то сжалась. Растерянно улыбнулась в ответ.

– Уборка начинается, – пояснил я, – сейчас мне не до молодежной работы. И уж тем более не до собраний будет. С утра до вечера буду копошиться в пыли, на полях.

– Конечно-конечно, – покивал Анатолий Сергеевич, – конечно, можете повременить с ответом. Если уж нужно вам будет, найдете Марью Александровну.

– Наше отделение находится в колхозной конторе, – пропищала девушка, – на третьем этаже.

– Хорошо, – махнул я рукой, – будет время, я загляну. Ну что, Маш, – посмотрел я на свою медсестричку, – поедем?

– Поехали, – сказала она, бросая холодный взгляд на комсомолочку, – ни то от старшей медсестры получу я нагоняй.

Когда я стал грузить Машкин велосипед в кузов, видел боковым зрением, как грустно поглядывает на меня Марья Александровна.

Комиссия вместе с завгаром отправилась куда-то к диспетчерской.

– М-да, – говорил завгару Николай Иванович, – разбаловали вы своих работников. А скажите, дорогой товарищ, где у вас тут красный уголок? Какова в нем агитация?

– Да у нас как-то, – замялся Завгар, – и нету уголка.

– Печально это... Печально слышать. Не боритесь вы с крестьянской темнотою на вашем фронте работ. Оттого и получаются у вас такие казусы, как с этой Белкой.

Хмыкнув на это, я вернулся к себе в машину.

– Ты зачем на ней приехал? – Удивился Мелехов, завтоком.

– А чего такое? – Не понял я, – и вам что ли Белка не угодила? Вы ж коммунист.

Когда я вернулся на ток, завтоком бродил по площадке. Следил, как трактора вывозят из старого амбара залежалые остатки зерновых, сваливают в большую кучу на площадке.

Когда я приехал на Белке, глаза у Мелихова расширились так, что показалось мне, я издали увидел, как они выросли. Когда стал у амбара и выпрыгнул из машины, завтоком тут же подбежал ко мне. Завел разговор.

– Да я-то тут при чем? Щас все будут шарахаться от тебя, на этой-то машине! Еще, чего доброго, кто что-нить вытворит!

– Ну, – хмыкнул я, толкая переднее колесо, – со своими, в гараже, я уже провел воспитательный процесс. И с вашими проведу.

– С ними что ли? – Мелихов указал большим пальцем через плечо, – с трактористами? Ну-ну. Попробуй. Ребята они у нас упертые.

– Не упёртее шоферов, – хмыкнул я, – ну, если сомневаетесь. Вон, – указал я подбородком, – видите там, на пятьдесят втором газоне Титок ездит? Грузят в него мусор.

– Ну? – Нахмурился завтоком.

– Ну вот, подойдите к нему. Пусть вам расскажет, как я сегодня им ум вправлял. И что он теперь по поводу Белки думает.

Завтоком нахмурился. Шмурыгнув большим своим носом.

– Ну смотри, Землицын. Если что тут, у меня на току, не так будет из-за тебя сегодня, и ноги твоей на току больше не будет с твоей Белкой. Пока не пересядешь на нормальную машину.

– А я на нормальной, – нахмурился я.

Завтоком вздохнул.

– Да ты ж пойми, – всплеснул он руками, – дело тут не в машине. А в людском к ней отношении.

– Людское отношение, – сказал я, глядя на завтоком внимательно, – что твой флюгер. Куда ветер подует туда и отношение. Надо будет – направлю его по нужной дорожке.

Хмуро поджав губы, завтоком выдохнул. Нахмурившись, пошел к конторке. Попуты заглянул в машину к Казачку, который уже несколько дней работал на току. Перекинулся с ним парой слов, которых я, конечно, не слышал.

Однако, видя улыбочное, смешливое лицо Казачка, который слышал мое сегодняшнее “выступление”, завтоком нахмурился. Задумчиво обратил ко мне взгляд. А потом снова зашагал до конторки.

Работа сегодня была, как обычно. Я вывозил остаток залежалого пшеничного сора. В старом амбаре были закрома, в которых пшеница слежалась. Ее, сырую и вычищали. С нового закрома везли другую.

Остатками прошлогоднего урожая ячменя и пшеницы проверяли зав. В этом году поставили на него новую систему просушки зерна и хотели убедиться, как она, эта система работает. Нагружали перед уборкой.

Машины гоняли туда-сюда с нового амбара на зав. Ссыпали в яму зерно. Прогнанное через зав, оно очищалось, подсушивалось и попадало в бункер. Под бункером уже дежурил газон, в который и ссыпали зерно.

После, машина отправлялась на мельницу. Остатки зерна использовали под крупу, на корм колхозной птице.

Мне же поручили свозить залежалый сор, но не на озеро, как в прошлый раз, а на свиноферму.

До обеда успел я сделать два рейса. И когда на третий, вернулся на мехток, увидел забавную картину.

У зава стояли в рядок трактора. Синешкурые белорусы задрали к небу свои ковши, словно грея их под кубанским солнышком.

Молодые трактористы расхлябанные, с лихим видом, стояли у зава, покуривая сигаретки. Было их трое.

У неудобной эстакады, что вела к завальной яме тока, корячился газон. В его кабине весь вспотевший, красный как рак, трудился Казачок. Он заглядывал назад, выбирался из кабины, чтобы посмотреть, что ж позади него твориться. Куда ведет он задом машину. Стараясь заехать на эстакаду, он то и дело не попадал ровно и гонял машину взад-вперед.

Подъехав к ним, я выбрался из машины. Подбежал к Казачку. От нервов, газовал парень так, что уши закладывало. Машина под его управлением в очередной раз дернулась и пошла назад. Заехала на эстакаду неровно и соскользнула задним колесом.

Грохот раздался на весь ток. Газон скакнул и колесами упал мимо путей эстакады. Да так сильно, что задний борт у него раскрылся и зерно посыпалось мимо ямы. Трактористы при этом грянули дружным по-бабьи звонким смехом.

Перепуганный Казачок выскочил из машины. Грубо ругаясь, побежал смотреть в чем дело.

– Чего тут у тебя? – Подбежал я к парню аккуратно к этому времени.

– Да вот, понимаешь, – хватаясь за голову и кривя от обиды лицо, нервничал Казачок, – наказали учиться на зав задом заезжать. А я не могу! Не выходит у меня и все!

– Ты чего там делаешь! Дуреха! – Сверху с зава крикнул механик, – все зерно просыпал! Балда!

Трактористы заржали еще громче. Сжавшийся Казачок втянул голову в плечи.

– А ты че там сидишь, как курица в гнезде?! – Крикнул я механику, – ты бы помог парню! Указал, куда ехать! Так же, из кабины, не видно! Он же в первый раз! Видишь?!

– У меня тут, – нахмурился Механик, – своей работы по горлышко!

– Вкл, да Выкл нажимать, и я смогу! – Крикнул я, – давай местами поменяемся, ты за руль да на зав, а я на твое место, кнопки нажимать?! М-м-м?!

Механик сплюнул. Но больше ничего не ответил.

Трактористы продолжали ржать. Один из них невысокий, но широкий в плечах бело-волосый парень засунул руки в карманы вислых своих брюк и сказал:

– Опростоволосился, – ощерил он редкозубый рот, – пушай теперь замечает!

Казачок аж потемнел, так ему было стыдно.

– Да не вешай ты нос, – хлопнул я его по плечу, – давай за руль. Сейчас я тебе подскажу.

– А ты уже на нее заезжал? Знаешь как?

– Заезжал, – улыбнулся я.

– Это где ж? – Казачок нахмурился, – ты ж тоже недавно в колхозе, как и я.

– В армии! – хохотнул я.

Казачок аж глаза раскрыл.

– А че, в армии тоже завывают?

– Да шуткую. Давай за руль, говорю!

– О! – Крикнул второй тракторист, повыше белобрысого, молодой, но уже с залысинами у висков, – ща нам шоферки устроят новый театр! А я думал, скучно в колхозе работать будет!

Я злобно зыркнул на троих трактористов. Пошатываясь на своих кирзачах, они, явно, были поддатые. Скорее всего, приложились за обедом. А может, и с утра.

– А зачем вам шоферки с ихним театром, – хмыкнул я, посмотрев на них так нахально, как только мог, – когда у нас в МСТ такие знатные скоморохи имеются!

Трактористы сначала заржали. Но потом один из них, белобрысый, кажется, понял, что это была шутка про них. Он в одно мгновение изменился в лице и глянул на меня, по-бычьему опустив голову:

– Чего?

– Того! – Крикнул я, – ржете звонче кобылы. Лучше б помогли парню заехать на зав. Шутники, – сплюнул я.

Вся троица замолчала. Переглянулась.

– Ну давайте, – белобрысый принялся задира́ть закатанные рукава рубахи еще выше, – покажем шоферкам, как мы умеем шутковать.

– Игорь, – испуганно посмотрел на трактористов Казачок, – мож не надо?

– Надо, Гена, – наблюдая, как троица приближается, ответил я, – надо.

Глава 3

Троица приблизилась. Трактористы стали напротив нас с Казачком. Генка, хоть поначалу и трясся, но увидев, как бесстрашно виду троицу взглядом, стал рядом и подрагивая, все же приосанился.

– Ну что, – белобрысый заговорил первым, неприятно искривил пухлые свои губы, – ну что, шоферок, не хочешь повторить, чего ты нам там покрикивал?

Я хмыкнул. Обвел всех троих трактористов взглядом. Этот, белобрысый, был широк в плечах, но невысок. По щербатому его рту и крепким сбитым кулакам, видно было, что он тут главный задира.

Другой, высокий и лысоватый, возрастом годам к двадцати пяти подходил. Его вытянутое как бы по-лошадиному лицо застыло в одном неприязненном выражении. Третьим был худощавый словно пацан. На лбу его тонкокостного лица слиплись от пота редкие от природы темные волосенки.

– Будем, – сглотнул Казачок, – драться?

– А не знаю, – сказал я, глядя в глаза белобрысому исподлобья, – будем ли драться?

Белобрысый выдержал мой взгляд, однако в следующее мгновение его зрачки скакнули вправо. Проследив за его взглядом, я понял куда он глядел. Там, у зава болтавший с электриком завтоком, смотрел прямо на нас. Оба они: и завтоком, и электрик замерли. Ждали, что будет дальше. Причем завтоком строго нахмурил лицо. Электрик же смотрел с удивлением и опаской. Пришел завтоком, видимо, посмотреть, что тут, на заву так грохнуло, когда машина Казачка сорвалась.

Потом белобрысый глянул на меня и на Белку, что в холостую порывивала мотором за моей спиной.

– Это ж та машина. Порченная, – сказал белобрысый тракторист.

– Я слышал, – начал худой, – что тот, кто на ней ездит, и сам несчастный и другим несчастье приносит.

– И тогда лучше его даже не трогать, – опасливо сказал высокий.

– Эт вы верно подметили, – улыбнулся я, а потом по-дружески хлопнул белобрысого по плечу, – лучше меня не трогать. Ни то будет вам неудача.

Белобрысый аж в лице переменялся. Резкий, словно боксер он отпрыгнул назад, как от удара. Уставился на меня ошалелыми своими глазами. Его дружки вздрогнули, удивленно обернулись. Я рассмеялся.

– Ну все, брат! – Крикнул я ему, – теперь моя неудачливость на тебя перекинулась!

– Тьфу-тьфу! – Поплевал тракторист, – ай, что б тебя!

– Да ты че Игнат? – Удивился долговязый, – веришь в это все дело? По-серьезному?

– Да ничего я не верю! Просто...

– А зря не веришь, – я хмыкнул, – вот недавно ездил я с мужиком в город, за запчастями. Так его, после того как я с ним поговорил, жена с дома выгнала. Живет теперь на гараже.

– Боевой, что ли? – Расширил глаза долговязый, – а ведь я его знаю! Он и правда на гараже живет!

Вся троица как бы несознательно отступила на шаг.

– А я вообще с ним дружу, – вклинился Казачок, подмигивая мне хитрым глазом, – и видишь, че выходит? То машиной на зав не попадаю, то ломаюсь! А недавно угодил прямо в озеро! Ни жисть, а одна неудача!

– Да ну, глупости, – потемнел лицом белобрысый, – че плетете?

– Ну-ну, – хмыкнул я, – не верь. А сам и не заметишь, как у тебя все наперекосяк пойдет. И прибежишь ко мне как миленький проклятье снимать. Потому, как только я знаю, как это делается.

– Пойдем уж работать! Хватит слушать энти их шутейки, – опасливо косясь на меня, сказал долговязый.

Троица потопала к тракторам. Ускорила шаг, как только увидела, что к нам идет завтоком.

– Чего у вас тут творится? – Сприсил он, осматривая задний мост казачковского газона и эстакаду.

– Да вот, – замялся Казачок, – что-то незадача вышла. Промазал малость.

– Хорошо, что цело все, – сказал Пётр Герасимович, – а вот пшено придется тебе, Гена заместить в яму.

Казачок вздохнул.

– Вы б хоть кого к нему приставили, – сказал я, – кто помог ему на эстакаду попасть. Сзади посигналил, куда рулить.

– Да некогда мне тут со всеми нянчиться, – нахмурил брови завтоком, – у меня еще в конторе учетные документы надо готовить к началу страды. Еще и с колхозу комиссии заседают, как взбесились. То то им не так, то это. Вот, – завтоком поднял глаза к заву, – в этом году вытребовал я в колхозе новый сепаратор на зав. Старый уж свое открутил. Петрович его запарился починять. Так я бился за него, за этот сепаратор год почти! Только потом в колхозе признали, что он надобен. И вот, теперь еще и за него мне душу трепют.

– А чего треплют-то? – Спросил я.

– Да вот, – вздохнул завтоком, – мол, модель им не такая. Мол, дорого купил на заводе. Надо было дешевле брать. Другой, послабее. А с нашими объемами зерновых послабее нам не годится. В общем, – махнул он рукой, – не до вас мне!

– Ладно, дядь Петь, – пожал я плечами, – иди. Делай свои дела. Мы тут сами справимся.

Завтоком поворчал еще намного себе под нос. Снова оглядел задний мост Генкиного газона и пошел в контору.

– Ладно, – сказал я, – давай, Казачок, – прыгай в газон, а я тебе посигналю, как заезжать на эстакаду.

Казачок помялся. Посмотрел на меня так, будто хочет чего-то сказать, но стесняется.

– Ну чего ты как воды в рот набрал? Говори уж, что тебе не так?

– Да я подумал, Игорь, – сказал он неуверенно, – можно я тебя попрошу, чтобы ты заместо меня машину разгрузил. А я потом попрошусь у завтоком на другие работы. Потому как на зав заехать у меня совсем никак не получается. Одна морока!

– Э-э-э нет, дружок, – покачал я головой, – на меня ты дела свои не переложишь. Учись, давай сам. Я только помочь могу.

Казачок смущенно опустил глаза. Потер загоревшую шею.

– Рано или поздно тебе все равно придется на него влезать, – указал я на зав, – некуда не убежишь. Так что давай, учись. Правильно тебя Герасемыч сюда определил.

Мы услышали машину. Выглянув из-за казачковского газона, увидели, как едет к нам полный зерна Титок.

– Ну? Чего вы там встали-то? – Высунулся он из окна, – мне тоже сюда надо! Пропустите?

– погоди, Титок! – Крикнул я, – щас Казачка разгрузим, и твоя очередь будет.

– Дак он тут уже час разгружается!

– Ниче-ниче! Щас все скорее пойдет! – Я глянул на Казачка, – ну че ты? Лезай в кабину.

Ща будем выгружаться.

Казачок вздохнул, но в кабину полез.

Я стал с его водительской стороны так, чтобы Генка мог видеть меня в зеркало заднего вида. Стал ему подавать сигналы голосом да руками:

– Вот так! Руля провей! Провей руля, говорю! Стоп! Выравнивай! Колеса выравнивай! Ага! Молодца!

От трудного на малом ходу руля Казачок снова вспотел. То и дело высовывал свою голову из окошка, чтобы заглянуть назад.

– Давай! Давай пошел! – Крикнул я и Казачок дал газу.

Двигатель заревел. Машина покатила задним ходом. Под большими спаренными колесами ее заднего моста захрустел под слоем зерна гравий. Зад машины подпрыгнул, когда она вскарабкалась на ступеньку эстакады.

– Давай еще! – Крикнул я, когда Казачок снова высунулся из машины, – ровно идешь! Смело назад!

Двигатель загудел еще натужнее, и машина быстро взобралась на направляющие дорожки эстакады. Кузов гулко лязгнул об уголок-ограничитель.

Натянув стояночный тормоз, Казачок выбрался из машины.

– Ты гляди! Смог-таки! – Крикнул он, любуясь газоном, задравшим задний борт кверху.

– И не так сложно, да? – Посмотрел я на парня с улыбкой.

– Сначала было сложно. Но вот, с твоей помощью, гораздо легче!

– Пустяки, – сказал я, – в первый раз всем сложно. Ну давай, выгружайся.

Казачок кивнул и побежал к эстакаде. Дернув специальный рычаг, открыл задний борт. А потом вернулся к кабине.

Двигатель газона взревел на тон выше, когда Казачок принялся поднимать кузов. Захрустела коробка отбора мощности. Кузов медленно пошел вверх, обнажая блестящий гидравлический шток. С шуршанием, поднимая пыль, зерно посыпалось в завальную яму.

Когда кузов опустился и грякнул о раму машины, Казачок согнал газон с эстакады. Подъехал ко мне боком.

– Спасибо, Игорь! – Крикнул он.

– А заметить кто будет?! – Заорал механик с верха зава, – Метла вон там! Под бункером!

Я рассмеялся, а Казачок, растерянно улыбаясь, выпрыгнул из машины и пошел за метлой.

– Ну я сегодня не дождусь! – Закричал Титок, видя, как за ним подъехала еще одна груженная машина, – ей бо, не дождусь!

Когда Казачок отъехал, увидел я, как стоят у своих заведенных тракторов трое парней, с кем была у нас перепалка и наблюдают.

Внезапно белобрысый плюнул себе под сапоги и забрался в трактор. Потом пошел и длинный. Только худой остался курить под задним высоким тракторным колесом.

Двигатель трактора белобрысого зарычал. Он принялся сдавать назад, почему-то не опустив свой задранный ковш.

Я даже и рта раскрыть не успел, как раздался жуткий грохот и хруст стекла. Худой аж подскочил под колесом, и юркнул в сторону. Опомившись, стал глядеть с изумленным видом, что же произошло. Стянул, как замороженный, с головы кепку.

Белобрысый, обернувшись, отъехал недостаточно далеко, прежде чем уйти в поворот задним ходом. Ну и со всего размаха угодил поднятым ковшом в кабину соседнему трактору. Напрочь снес он дверь, погнул раму. Высыпались задние и боковые стекла. По ветровому побежала широкая паутина трещин.

– Ты чего творишь, Игнат! – Кричал худощавый, – гляди, куда едешь!

Он выбежал перед трактором белобрысого и разразился жутким матом. Белобрысый и долговязый выбрались из своих машин.

Вся тройка трактористов стала о чем-то переговариваться. Я видел, как растерянный Игнат чесал голову и разводил руками. Бросал в мою сторону озадаченные взгляды.

– Чего тут еще стряслось! – Заорал завтоком, выбегая на двор, – да елки-палки!

В конце концов подбитый трактор был все же на ходу, и худощавый угнал его обратно на станцию. Остальную работу трактористов решили не останавливать. Все же старода нагоняла нас с каждым днем.

Завтоком переставил меня на новый амбар, довозить пшеницу. Нагружал меня не трактор с этой троицы, а другой, за рулем которого сидел тот самый тракторист, которого я когда-то обдал водой.

Сегодня он был трезв, сер и хмур как туча. Безрадостно, отмыкая припухшие от бессонницы глаза, крутил он свой руль да орудовал ковшом.

Однако был тут, на дальнем конце амбара и белобрысый, но своем белорусе. Загружал он Титковский самосвал, да только опять пошло все наперекосы: выломал он машине задний борт, когда неловко опускал ковш, полный зерна.

– Да куда ты смотришь, зараза! – Кричал на него Титок, – ты гля! Машину мне измордовал!

Белобрысый, выбравшись из трактора, едва не кинулся на Титка с кулаками, благо мужики, что вокруг были, остановили покачивающегося на ногах Игната. Кажется, был он пьян.

Белобрысый с Титком и мужиками пошумели, покричали друг на друга, да разошлись. Борт Титок смог починить. Да только рычаг открытия у него теперь не работал, а на кузовщине осталась большая вмятина. Остаток дня Титок одно ходил да плевался.

Когда загрузили мою белку с горкой, поехал я на зав. Главный агрегат механизированного тока натужно работал. Гудел, как гигантский пылесос.

Видел я, как стояли под ним две машины: одна под сорным бункером, куда отходы отсеивались, другая под тем, где собиралось чистое, подсушенное зерно.

Загрузка машин началась по очереди сначала чистым, потом сором. Пшеница золотом хлынула в газон, заполнив кузов. Машина ушла. Тогда в другую хлынул пыльный сор, закрубилась под завом серое облако.

– Давай! Загружай! – Заорал приглушенным под звуками двигателей машин и зава голосом механик, помахал мне рукой.

Я подъехал к эстакаде и развернулся. Увидел, как стоят в тенечке те самые трактористы. Белобрысый сидел на корточках. Переводил, наверное, дух после того, что совсем недавно натворил. Рядом с ним мялся и долговязый. Указывал на меня пальцем. Что-то говорил белобрысому.

Игнат поднялся. Откинул челку со лба, уставился на меня недобрый глазом. Думает пади, что, правда, я на него белкино проклятье навел. Два происшествия за один день! Вот так дела! Хотя знал я, в чем была настоящая причина таких несчастий. Нечего за руль под градусом лезть.

А вот, судя по лицам двух трактористов, они так совсем не считали.

Оглядев по стеклам, где ж там направляющие дорожки эстакады, я выжал сцепление и включил заднюю передачу. Газанув, медленно погнал машину назад.

Когда задние колеса подпрыгнули на ступеньках эстакады, в кабине аж загремело. Я выжал педаль чуть сильнее, и мотор откликнулся высоким ревом. Машина медленно взобра-лась на направляющие, показав мне землю через ветровое. Белка задрала хвост и замерла на месте, когда я затрещал ручником. Потом выпрыгнул из машины.

– Гляди-ка! – Заорал мне механик, – заехал с первого разу! У молодых редко так выходит!

Я ничего не ответил, только хмыкнул и натянул рычаг отпора заднего борта. Вернувшись в кабину, бросил взгляд на трактористов. Долговязого уже не было, а белобрысый Игнат сидел

под большим тополем и смотрел на меня. Ждал что ли, что водителя несчастливой машины тоже, как его сегодня, настигнет несчастье?

Раздумывать над этим я долго не стал. Зажал сцепление и вторым рычагом, что притаился справа от рычага передач, включил отбор мощности на кузов. Двигатель заревел, кузов стал медленно подниматься, ссылая в яму пшеницу.

Закончив, я съехал с зава. Бросил мимолетный взгляд на белобрысого. Его, впрочем, под деревом уже не было.

Время подходило к трем часам дня. Горячее кубанское солнце стояло высоко. Было жарко. Над площадкой для зерна плясал разогретый воздух.

Я поехал обратно, к новому амбару. По пути решил остановиться возле навеса, под которым отдыхали колхозницы. Решил напиться там воды.

– Привет, шоферок! – Сказала одна из женщин, тучная чуть за тридцать, одетая в простую цветастую с белой полосой юбку, блузку с коротким рукавом да белую косынку, – ну, как ездится? – Хитро стрельнула она глазами.

– Ездится как надо, – улыбнулся я, – где у вас тут напиться можно?

– Вода в ведре, – пискнула другая помоложе, а потом тут же смутилась под моим взглядом.

Женщины постарше, те, кто замужние не обращали на меня особого внимания. Девки-колхозницы шептались.

Я подошел к эмалированному ведру, взял мятый алюминиевый ковшик. Напился, после полил на разгоряченную шею и голову. Отряхнул слегка промокшую рубашу.

– Может голодный? – Сказала женщина в косынке, – али нет? У нас есть масло с хлебом. Молоко и...

– Игорь! – Перебил ее другой женский голос. От конторки шла сюда, под навес молодая девушка-колхозница, – Землицын! Это ты же?

Пышнотелая девушка сорвалась бегом. Под ситцевым платьем заколыхалась ее объемная грудь.

– Игорь! Ты же Игорь? – забежав в тень, спросила девушка, переводя дыхание, – мне завтоком велел Игорь Землицына отыскать. К себе его вызывает.

– Я Игорь, – улыбнулся я, – сразу ты меня узнала. Хотя я тебя, девица, и не помню.

– А такого молодца с далека видать! – Грянула какая-то из женщин, и все рассмеялись. Девушки же, включая и пышечку засмутились, – вон девки-то об тебя щас все глазенки высмотрят!

– Ну хватит, Вера Михайловна! – Крикнула обиженно какая-то из девчонок.

– А чего он хотел? Не говорил? – Спросил я у все еще смущающейся пухленькой девушки.

– Не-а, – спрятала она глазки.

– Ладно, – вздохнул я, – узнаем сейчас. Бабоньки! – Крикнул я, – будьте добры, посторожите машину!

– Да уж посторожим! Не украдут!

– Это тебя самого скорее кто из колхозниц в женихи украдет! – Крикнула женщина в белой косынке, и все снова рассмеялись.

Я обернулся по пути к конторе и подмигнул им. Раздались новые волны смеха. Смущающиеся девушки засмутились еще сильнее.

В конторе гулял сквозняк. Дверь и все оконца держали раскрытыми. Я без затей прошел к кабинету завтоком. Зашел в дверь, что была нараспашку.

– Пришел, Игорь? – Мрачно сказал завтоком.

Был он тут не один. В кабинете стояли трактористы: белобрысый с долговязым. Оба, мрачней, чем завтоком, смотрели на меня хмурыми своими глазами.

– Так-так, – я сел на свободный стул, что притулился у стенки, – это из-за них меня вызвали?

Глава 4

– Ну не совсем, – сказал тоном замученного человека завтоком, – их то я вызвал, потому как сегодня не день, а беда за бедою. Не успею отойти, уже чего-то случилось. И вот их, этих бед, виновники, – покивал он на трактористов.

– Виновники? – Изогнул я бровь вопросительно, – по-моему это только у Игната руль из рук весь день выскакивает. Второго его товарища я за безобразиями еще не замечал.

Белобрысый, что сидел на против, у соседней стенки, глянул на меня злыми водянистыми от самогона глазами. Искривил полные свои, неказистые губы. Его друг долговязый по имени Семен только растерянно кашлянул. Выглядел он совсем каким-то несчастным. Было видно, что не находит он себе места.

– Ну вот, пришли вдвоем зачем-то, – завтоком посмотрел на них усталыми своими глазами.

Не уж то белобрысый решил, что не хочет один расхлебывать приключившуюся с ним беду? Пили-то они оба. А хоть набедокурил только Игнат. Видимо, ответственность в одни руки принимать он не собирался, вот и притащил с собой дружка. И кажется мне, что притащил он его из-под палки. Потому как такой задира, как этот белобрысый, только так и может.

– А меня зачем вызвали? – Спросил я задумчиво поджав губы.

– Они, трактористы, значить, попросили, – завтоком снял очки, потер глаза, – сказали, что ты тоже ко всему этому причастен. Мне хотелось бы знать, каким боком. Хотя я уж догадываюсь. Но все равно, охота мне послушать и тебя тоже.

– Он на своей машине, на Белке приехал, – буркнул белобрысый, – на порченной этой. На чертовой машине. Потому и побивал всех нас с панталыку. Рядом с ним как ни встанешь, так обязательно беда на голову свалиться! Куда не тыкнешься, так невезение везде.

Завтоком ничего не ответил. Посмотрел на них обоих как на безумцев. Перевел взгляд на меня.

– Ну я ж тебе говорил, Землицын? Говорил, что может быть такое недоразумение? Говорил. А ты мне что уверял?

– Да при чем уж тут недоразумение, – нахмурился я, – вы же сам понимаете, какая это все глупость.

– Ничего не глупость, – насупился долговязый, – он вон, с Боевым ездил за запчастями, так после этого старика жена выгнала на улицу! Я сам видал, как мимо проезжал дней десять назад, что он там, по гаражу, как кот блудный, шалается!

– А Генка Казачок угодил в озеро, – поддакнул белобрысый, – потому и у нас тут такие беды творятся. Все он со своей Белкой. Вся Красная знает, что это за машина такая! Знает еёшнюю историю! Как она с собой шоферов забирала, а те, кто за еёшний руль сажались, так тут же выпрыгивали, потому как их жёны да невесты бросали.

– Детишки до сих пор белкой по ночам у костра друг друга пугают, – опасливо добавил длинный.

Я хмыкнул, ничего не ответил.

– Мда, – поджал губы завтоком, – я, конечно, все понимаю, Землицын, но говорил я тебе. Неважно что енто за машина. Важно, что о ней народ думает. А думают они, что Белка им жить мешает. Что машина это очень нехорошая.

– Не Белка им жить мешает, – посмотрел я пристально на трактористов, – а кое-что другое. От белки, их еще спасти можно. Только не от той, какая им кажется.

Понятно было, что вряд ли трактористы, правда веря в какие-то проклятья и прочие суеверия. По крайней мере, так серьезно, чтобы, правда, их бояться. Думалось мне, что хитрят они. Хотят свои неудачи, а самое главное – пьянство прикрыть мной. Вроде как дурачкам при-

твориться. А с дураков спрос, известно, всегда ниже. Да вот только решил я твердо, что не дам им такой возможности. Что выведу их на чистую воду.

– А знаете, что, товарищи, – встал я, – а может, вы и правы. Может неудачливость моя всему виной. И Белка тоже.

Трактористы озадаченно переглянулись. Завтоком нахмурил ровные свои брови.

– Это ты к чему такое говоришь? – Не понял завтоком.

– Ну ты же слышал, дядь Петь, че мужики говорят? И про Боевого, и про Казачка. Снимусь я, наверное, с машины, и пересяду на старенький свой пятьдесят второй.

В кабинете повисла тишина. Кружевная занавеска, наполненная ветром, надулась наружу окна. Только легкий ветерок шевелил волосы на лбах присутствующих.

– Только не поможет это вам, товарищи трактористы. Навек останетесь вы невезучие. И завтра, – я посмотрел на белобрысого, – обязательно ты еще чей-нибудь трактор поломаешь. А может быть, и вовсе перевернешься на своем.

Белобрысый не знал, что и сказать.

– Хотя есть один способ, – задумался я, – как избежать этого. Помните? Говорил я, что только я и могу расколдовывать неудачников, что со мной когда-либо общались?

– Помним, – сказал вдруг долговязый, но белобрысый парень ткнул его локтем в бок. Тот вздрогнул, глянул на него и замолчал.

– Вот-вот, – хитро посмотрел я на них, – надобно ровно в четыре часа дня, – указал я на свои часы, – сделать простой ритуал. Пройтись по начерченной мелом линии, потрогать свой нос с закрытыми глазами, ну и напоследок дыкнуть в стакан. Тогда уж с вас неудача и слезет.

– Издеваеся? – Набычился белобрысый.

– Ни капли. Но самое первое и главное, – продолжал я невозмутимо, – надо вытянуть все с карманов. Чтоб пустые были.

Все переглянулись.

– Ну что вы сидите? – Сказал завтоком, – вытаскивайте. Щас, Землицын будет над вами экзорцизм, етить его, проводить.

Я хмыкнул.

– Да вы что? Серьезно, Пётр Герасимыч? – Сказал белобрысый.

– Совершенно, – ответил завтоком, у которого не дрогнул не единый нерв на лице.

Немного помявшись, трактористы встали. Оба молодых парня подошли к столу завтоком. Стали выворачивать карманы брюк, складывать все на стол. Там быстро скопилась всякая мелочь: огрызок карандаша, мятая пачка сигарет, складной ножик-белка, ключи от тракторов.

Повременив немного, белобрысый, наконец, достал с кармана мешковатых своих штанов почти пустую чекушку водки. Звонко щелкнул ею об укрытую стеклом столешницу.

– Ну вот, – встал и подошел к столу я, – теперь вы готовые. Но знаете что? Думаю, не стану вас заставлять ходить по линиям. Да и мелу у меня нету. Неудачи от вас можно и иначе отогнать.

Я взял чекушку, открыл крышку и просто вылил остатки самогону за окно.

– На вот, – бросил я пустую бутылку белобрысому, – корень всех ваших неудач я извел. Дальше уж сами.

Когда я выходил из кабинета, услышал за спиной голос завтоком:

– Мда... Вот к чему приводит, когда юлишь. Садитесь. Буду писать докладную записку о ваших сегодняшних художествах на работе. Коль попались, коль натворили всякого, так уж надо и ответить.

Вечер того же дня. Дома у зампреда Щеглова

– В общем, – сказал Евгений Макарович весело, – хоть и рискованно это, но очень уж заманчивое дельце. В этом году урожай клубники на полях колхоза Успенский что надо. Выше всяких похвал! Ну и смог я договориться с тамошним моим другом на некоторый кусочек того урожая. Небольшой, но как для нескольких человек, то очень даже значительный. Но достаточно малый, чтобы в колхозе его не заметили.

– Евгений Макарович, – нахмурился Пашка Серый, – а как же армавирское дело? Мы же с вами хотели затаиться?

Сегодня вечером, после работы, Пашка Серый снова зашел по пути домой, к зампреду колхоза Новатор Евгению Макарычу. Встретил его зампред у себя дома, во дворе, на вынесенном на улицу, под навес, диване. На этот раз они распили коньяк. Евгений Макарыч дал Серому выкурить своих любимых сигарет Союз-Аполлон. После стали говорить о деле.

– Так, в том то и дело, – сказал зампред, – что внимание армавирской и нашей милиции направлено на Армавир. А вот в селе Успенское тишь да гладь. Ну и друзья у меня там имеются, как ты понял. Теперь дело за мной. Нужны мне собственные, надежные водители. Потому как клубника – вещь хрупкая и скоропортящаяся. В краткие сроки ее нужно доставить в Краснодар и Сочи. Там уже ждут товарищи, что смогут ее реализовать. Рейсов будет немало. Потому я распорядюсь выписать вам всем командировки. Да к тому ж, сможем мы не потерять наших товарищей, что могли бы отколоться, коль мы совсем пропали бы из виду с нашим делом.

– Но ведь страда на носу, – Серый беспокойно пошевелился на диване, – а три машины вон?

– За это не беспокойся, – улыбнулся зампред, – оформим все в лучшем виде. И потом, у Успенского машин меньше нашего. Туда, может, нужна будет подмога, – он подмигнул.

У Пашки Серого в нутре все скрутило. Он несознательно тронул подбитую свою челюсть. Синяк там уже из темно-пунцового, становился желтоватым. Очень уж переживал Сашка. Понимал, что никак он не сможет выполнить сейчас такого поручения зампреда. И боялся ему в этом признаться.

– А там, глядишь, если выполнишь задание успешно, – сказал зампред, – распорядюсь тебя на новую машину посадить.

– Тут, – решился наконец Серый, – задача выходит.

– Это какая же? – Напрягся зампред.

– На следующей неделе вам надо клубнику возить?

– Да, – сказал Макарыч похолодевшим голосом, – со вторника примерно.

– А у меня ж, – вздохнул зампред, – как раз на то время назначенный суд будет идти. После Землицына. Я тогда выступать буду на товарищеском заседании, за истца.

Зампред потемнел лицом. Поджал губы.

– Конечно, – начал Серый, – можно написать заявление на перенос...

– Ты не знаешь, кто в комиссии заседает, Паша, – сказал зампред, – а я знаю. Ирина Степановна очень въедливый человек. И очень внимательный. Мы не можем такой риск брать на себя. Ни то случайно может вскрыться схема нашей работы. Так что да, – вздохнул зампред, – очень это печальная новость.

– Ну вот, – пожал плечами Серый, – знал бы я раньше, что вы на такое дело меня нацелите, не стал бы заявление писать на Землицына. Не стал бы его вызывать за драку.

– Это, конечно, – нахмурился зампред, – ты погорячился. А Кашевой? Микитка? Серега Бесхлебнов? Который Мятый.

– Кашевой с Микиткой у меня в свидетелях представлены, – вздохнул Серый.

– Ладно, – подумав полминуты ответил зампред, – тогда можно ускорить дело. Завтра выехать сможешь?

Повременив, Серый покачал головой.

– Это еще почему?

– Дядька у меня больной. Ему щас каждый день, уход нужен. Не могу я его бросить пока что. Не могу сейчас, пока его с больницы не выписали, на опеку моей мамки, уехать далеко. Вдруг че нужно будет.

– Мда, – он вздохнул, – куда ни кинь, всюду клин. Придется на трех машинах.

– Двух, – поправил Серый, – потому как Мятый уж не будет ездить. Я его напугать пытался. Но то так было, пыль в глаза. Теперь не хочет с нами работать. Откололся.

– Хорошо хоть кроме тебя никого больше из наших не знает, – задумался зампред, – а плохо, что разбежались от меня все шоферы, которых я, Паша, от тебя ожидал.

– Ну так вышло сейчас, – втянул голову в плечи Серый.

– То с шифером у тебя не вышло. Теперь вот с клубникой. Ладно. Иди. Подумать мне надо.

Серый встал, посмотрел на зампреда щенячьими глазами.

– Ну чего ты, Паша? – Глянул на него в ответ зампред, – чего еще хочешь?

– Я еще подумаю, – замялся он, – до завтра подумаю, как скинуть дядьку. Может, смогу пораньше, все ж. Утром я к вам приеду.

– Ну давай, – без энтузиазма пожал плечами зампред, – я тоже сейчас подумаю.

Когда Пашка Серый ушел, Евгений Макарыч остался сидеть на диване. Был у него в запасе один кандидат. Тот, кто, по его мнению, мало думал и много делал. Решил заместитель председателя колхоза завтра же вызвать к себе Землицына.

На следующее утро путевку мне не выдали. Завгар попросил заменить на старом моем пятьдесят втором масло. Машину должны были отдать другому водителю, а она все еще стояла пустая, без масла в моторе. Потому определили меня до обеда на ремонт.

Олегыч, что замещал временно несчастного Егорыча, и взял на себя работу механика по ремонту, выдал мне масла, а фильтр повременил.

– ты свою центрифугу разбери, – сказал он, – да глянь, как она. Коль будет уставшая, тогда новую дам. А если уж нормально, то пусть газон еще на этом фильтре поедит.

Ну я и согласился. Около девяти утра, когда рабочий день только разгорался, увидел я кое-что нетипичное для нашего гаража.

Въехал к нам в ворота маленький красненький ЗАЗ-968, “Запорожец” значит. Крохотная машинка протарахтела своим звонким мотором к диспетчерской. Красная ее шкурка сияла на солнце как с картинки.

Я даже отвлекся от переключивания головок, обернулся. Почесал воротком зазудевшее плечо.

Из машинки вышли двое: молодой парняга – джинсы с кедами, футболка полосами в облик на сухощавом теле. Каштановые отросшие волосы. В общем, непохожий совсем на станичника парень. С ним и девчонка. Носила она легкие светлые брюки-клевш и белую блузочку, весело топырящуюся на маленькой груди. На шее забавно носила она белый в горошек платочек. Ее блестящие на солнце короткие волосы показывались из-под беретика.

Оба зашли в диспетчерскую.

– Видал? – Подал голос Саня, что доливал масла в задний мост на своей машине, – кто это к нам такой нарядный?

– С городу, что ли? – Удивился Казачок, который, курил вместе со Стенькой Ильинным у колеса Стенькиного бортовика.

– Похоже на городских. Нашенские девки так не ходят, – озадаченно потер синеватые щеки Стенька.

– На партийных тоже не смахивают, – отозвался Титок, – больно расхлябанные. Модники, етить их.

Через минут пять, вышел из диспетчерской завгар. Переминаясь с ноги на ногу, он стал шарить взглядом по гаражу. Когда увидел меня, замахал рукой, сюда мол.

– Игорь! – Кричал он, – иди сюда, будь другом!

– Чего это они? – спросил Плюхин, – чего эт ты завгару понадобился.

– Да откуда ж мне знать-то? – Ответил я, комкая в руках тряпку от масла.

Ильин с Титком со значением посмотрели на меня. Во взгляде ихнем виделось крайнее любопытство.

– Это модники че ли, – спросил Титок, – по твою душу?

– Да откуда мне знать-то? – Повторил я, – вернусь – расскажу.

Я зашагал к завгару, слыша у себя за спиной смешливые полушопотки шоферов.

– Ну? – приблизился я, – и чего там, дядь Миш?

– Да вот, – пожал он плечами, – Приехали. Тебя просят.

– Кто приехал?

– Энти... как их, – подыскивая слова, завгар стал задумчиво шарить зрачками к небу, – ну энти! На языке крутиться. Тфу ты! Пойдем, короче. Сам помотришь.

Я пожал плечами. Вместе с завгаром мы прошли в кабинет механиков.

Сегодня Машки не было, потому играла из кабинета Лидии Петровны песенка:

Обручальное кольцо – не простое украшение,

Двух сердец одно решение – Обручальное кольцо.

В кабинете вновь прибывшие расселись прямо за рабочие места завгара и Егорыча. Олеша же, поглядывая на молодых людей с подозрением, немного как бы, отстранился, за собственным столом к правому краю.

Парень нахально сидел за столом завгара. Пожевывая жвачку, вертел волосистой головой туда-сюда. Рассматривал окружение

Девушка же, сидела более скромно. Она разглядывала свежесобранный Федотычем красный уголок, состоящий из томика собрания сочинений Ленина, почему-то тридцать пятого, кумачового знамени и трех вымпелов, висящих на гвоздиках. Девушка глядела то на уголок, то в свой блокнот. Черкала в нем ручкой.

Казалось, девушка была полностью увлечена уголком. Парень, казалось, был увлечен непонятно чем. Они даже не сразу обратили внимание свое, на то, что мы зашли.

– Уголок еще только готовлю, – сказал смущенно завгар, глядя на девочку.

– Скажите, – начала она, не отрывая глаз своих от блокнота, – а почему именно тридцать пятый том собрания сочинения Владимира Ильича?

Когда девушка подняла на нас свои светло-карие, будто бы ореховые на солнце глаза, то восторженно вскрикнула, как птичка. Выскочила из-за стола и подбежала ко мне.

– Игорь Землицын? – Спросила она широко, по-детски раскрыв глаза.

– Ну да, – нахмурился я.

– Прекрасно! – Девушка протянула мне свою тоненькую ручку, – районная газета Свет Маяков. Рада с вами познакомиться!

Глава 5

– Во, – сказал завгар, – вспомнил! Репортеры приехали. По твою душу, Игорь. Чего-то у тебя расспросить хотят.

– Вот значит как, – пожал я плечами, – Ну и что вам нужно, товарищи?

Парень даже не пошевелился. Он глянул на меня очень безучастно. Потом они переглянулись с девушкой. Едва заметно парень кивнул.

– Я бы хотела, дорогой товарищ, – поднесла девушка ручку к блокноту, – с вами поговорить о последнем происшествии, на которое вы повлияли напрямую.

– Это какое ж из происшествий? – Хохотнул я.

Девушка непонимающе хлопнула глазенками. Волосатый парень заинтересованно нахмурился и даже подался вперед, к нам.

– В каком смысле? – Спросила девушка.

– Вас как зовут-то? – Улыбнулся я, – хоть представьтесь, для приличия.

– Ой! – Девушка второй раз протянула мне свою маленькую ручку, – меня зовут Елена Маскина, я репортер из газеты...

– Свет Маяков, – подхватил я, – а молодой человек?

– Петр Матвеев, – сказала девушка, тоже из газеты.

– И тоже из Света Маяков? – Пошутил я.

– Ну да, – смотря на меня широкими глазами, не поняла девушка шутки. Кивнула.

Парень молча поднял узкую и длинную ладонь интеллигента в знак приветствия.

– А о каком таком происшествии у нас идет речь? – Спросил я.

– Ну как же! – Улыбнулась девушка, – вы же, недавно, целого человека спасли от смерти! Доставили до больницы вашего механика Егора Степановича Сергеева. Спасли ему жизнь, можно сказать!

– А вы откуда об этом знаете? – Ухмыльнулся я.

– Так у меня свои источники в Красной! Есть тут у кого повыспрашивать последние новости. А эта прямо-таки драматичная, что точно найдет отклик в сердцах читателей. Поэтому хотела бы я о вас в своей колонке “сельские вести” написать.

– Сельские вести? – Я сдержанно рассмеялся, – я всегда думал, что в сельских вестях надо вещать об успешных посевах, тучных стадах, увеличившихся надоях. Но никак уж не о таких приключениях.

Девушка замялась, опустила глаза и даже как-то измученно вздохнула.

– Понимаете, я как сюда, в Краснодарский край, попала после учебы, так об одних надоях и пишу. Сил уж у меня нет никаких! – Подняла она глазенки, – а тут такая новость! Хочу разбавить колонку свою чем-то захватывающим и интересным. Может, вы расскажете мне подробнее? Как оно было-то?

Думал я совсем недолго. А потом созрела у меня в голове одна интересная мысль.

– А давай расскажу, – я хмыкнул, – даже с очень большой радостью. Да вот только не одного меня то была заслуга. Многие кто с гаража мне помог Егора Степаныча доставить до больницы. А если бы ни моя счастливая машина по имени Белка, то вообще, не знал бы что я делал.

У девушки аж глаза загорелись.

– У вас есть машина по имени Белка? – Восхитилась она, – а где она, скажите мне, пожалуйста?

– Ну пойдем, – махнул я рукой.

Вместе мы с девушкой и даже заинтересовавшимся парнем-репортером, подошли к узенькому окошку кабинета.

– А вон, – я кивнул, – видишь, стоит во дворе Белка.

– Ух ты! – Девушка аж запищала, – у нее даже на этом, как его, ну на этом... Написано...

– Ну кузове, – напомнил я.

– Да! На кузове написано, что она Белка! – Девушка стала что-то записывать в свой блокнот, – а можно ли ее сфотографировать вместе с вами?!

– Можно, – улыбнулся я.

– Ну прекрасно, Лена, – Сказал волосатый и легонько подтолкнул ее к выходу из кабинета, – фотоаппарат в машине. Возьми своего главного героя, и сфотографируйтесь рядом с машиной. А мне нужно еще кое-что спросить у вашего товарища заведующего гаражом.

На эти его слова Федотыч удивленно поморгал глазами. Олегыч подался ближе к репортерам, от которых так тщательно сторонился весь разговор. На грубом лице механика по выпуску отразилось любопытство.

– Спросить, это про соревнования между нашими и импортными машинами?..

– Давай-давай, – с растерянной улыбкой перебил ее Пётр, – у нас тут немного времени совсем. Совсем оно нас не ждет. Так что поторопись и ты, и героя своего поторопи.

Я посмотрел на репортера с подозрением. Завгар продолжал непонимающе моргать маленькими глазками.

Когда мы вышли на улицу, потопали к Белке. Видел я, обернувшись, как вышли и завгар с волосатым. Оба зашли за диспетчерскую, видимо, поговорить о загадочных соревнованиях.

Решил я расспросить репортерочку. Казалось мне, знает она что-то интересное об этом. Вот только подойти тут нужно с правильной стороны.

– А скажите! – С интересом и весельем подошел к нам Саня Плюхин, когода мы были у Белки, – кто, вы гражданочка, будите? Зачем вам так наш Игорь понадобился?

– А другой какой шофер вам не сойдет? – Хитро глядя на девушку, появился из-за кузова Белки Казачок, – вот я например?

– И то, правда, – сказал Титок, когда они со Стенькой Ильиным подступили к девушке справа, – а то больно много товарищу Землицыну что-то девичьего внимания.

Девушка покраснела, опустив большие свои, почти детские глаза.

– Да отстаньте вы, – рассмеялся я, – чего журналисточку за смущали?

– А так вы работница пера? Ударник умственного труда, стало быть, – Приблизился к девчужке Казачок, – а чего вам тут нужно?

– Да я... – смущенно начала девушка, – я тут за интервью...

– Интервью? – Казачок приблизился к ней близко, начал полушёпотом, – а хотите, расскажу я вам, как вытягивал я из озера...

– Да ну тебя, Казачок! – Рассмеялся я, услышав его слова, – отстань от гражданки! Кому сказано!

Тот, бубня, недовольно отстранился. Тем не менее остальные шоферы лезли к девчужке с расспросами, сильно ее смущая.

– Слушайте! – Не выдержала наконец она, – простите товарищи, но у меня только к товарищу Землицыну имеются вопросы. Очень я польщена вашим вниманием. Но у меня колоночка маленькая. Туда все вы не влезете.

– Ну так возьми кого другого, – сказал Титок, – вот я, например, больше всех остальных рейсов за силосом могу сделать.

– Да иди ты со своим силосом! – Рассмеялся Плюхин, – нужен он всем, аж некуда.

– Ударный труд! Чего тебе не нравится?! – Обиделся Титок.

– Так, ребята, – сказал я громко, – давайте так поступим. В газету хотите?

Все замолчали. С интересом посмотрели на меня.

– А че? Можно попасть? Всем вместе? – Спросил Плюхин.

– А вот щас и спросим, – Посмотрел я на девушку, – скажите, пожалуйста. А можно ли сделать с Белкой общую фотографию? Пропустит ли ее ваша редакция в колонку?

Девушка задумалась.

– Пропустит, наверное. По крайней мере, попробую договориться.

– Ну вот и чудно! Сходите за своим фотоаппаратом, а мы пока что расположимся вокруг.

– Ну... Хорошо... – сказала девушка нерешительно. Потом, видимо, найдя в голове какую-то по поводу этого мысль, просветлела, – а ведь хорошо! Сейчас! Одну секундочку! – Как бойкий ребенок побежала она к своему запорожцу.

– На фотографирование?! – Удивился Титок, снял кепку, стал торопливо приглаживать свой непослушный волос, – хоть бы предупредили! Я б надел свой пинжак!

Шоферы смущенно замерли, не понимая, видимо, правда ли их будут фотографировать, или же все это только шутки.

– Так а чего нам делать-то? – Помялся Казачок, – я и не фотографировался никогда!

Через минутку Лена уже шла к нам, треща взводом пленки на своем Зените-Е. Фотоаппарат поблескивал в ее руках алюминиевым корпусом.

– Ну что, – встала она, широко расставив ножки. Посмотрела в видоискатель, – Станьте, пожалуйста, кучнее! А то все в кадр не влазите!

Смешно сощурившись, девушка стала выцеливать нас объективом.

– Товарищ в клетчатой рубашке! – Крикнула она вдруг Сане Плюхину.

Почему-то все шоферы растерянно стали шарить по сторонам взглядами.

– Я? – растеряв всю свою уверенность спросил смущенно Саня.

– Да-да! Вы! Ну, деньте уже куда-нибудь, пожалуйста, ваши руки! Чего вы их то сюда, то туда?

– А куда ж я их дену? – Удивился он, – коль уж они ко мне прикрепленные?

– Да в карманы сунь! – Рассмеялся Титок.

– А вы наденьте, пожалуйста, ваш головной убор, – тут же обратилась к Титку Лена, – а то у вас волосы смешно топорщатся.

– А? У меня? – Смешливое выражение тут же сошло с лица Титка, и тот растерянно пошамкал большими своими губами. Выпучил зачем-то глаза.

– И улыбнитесь, пожалуйста!

Глядя, как перед объективом камеры все шоферы растерялись, я рассмеялся.

– Ну! Улыбнитесь же! – Не успокаивалась Лена, – чего у вас такие скорбные лица?

– Да боятся они, – сказал я, – что ты их из фотоаппарата расстреляешь! Титка уже в самое сердце поразила, вон как раскраснелся!

Шоферы грянули дружным смехом. Титок растерянно улыбнулся. Как раз в этот момент щелкнул фотоаппарат в руках девушки, потом она затрещала переводом кадра и щелкнула еще раз. И еще.

– Спасибо вам большое! – Опустила она камеру, – а теперь все свободны!

– А как же свободны-то? А с нами сфотографироваться? – С улыбкой спросил я.

– Как это, с вами? – Удивленно раскрыла девушка свои ореховые глазки.

– А дай-ка, девица, сюда свой аппарат, – подошел я к ней.

Удивленная, она протянула мне Зенит.

Был у меня в прошлой жизни один друг. Настоящий фотолюбитель. Особенно ценил он советскую фототехнику и оптику. Считал, что в СССР объективы даже нынешним, современным не уступают. А в некоторых ситуациях даже их превосходят.

Ну и после нашего общения, знал я о Зенитах особенно этой модели, модели “Е” кое-какие особенности. И даже помнил немножко, как с ними обращаться.

– А вот, – сказал я девушке, – есть у меня одна идея. Только нужен штатив.

– А штатива у меня нету, – озадаченно ответила она.

- Ничего, – я вернул камеру ей, – сейчас организуем. Ключи у вас в машине?
- Ну да. А что? – Удивилась она.
- Ща!

Вернувшись к их машине, я сел за руль непривычно маленького запорожца. Тесно мне в нем показалось, что сил нет никаких. Однако машина была новой, совсем недавно сошедшей с конвейера. А может, за ней прилежно следили.

Немного помучившись с зеркальной коробкой передач, где передняя включалась движением рычага назад, я подогнал машину к Белке. Поставил боком.

- Дайте, – попросил я фотоаппарат, когда вышел из запорожца.

Девушка, глядя с интересом, протянула его мне.

- А теперь давайте к ребятам, – сказал я, заряжая новый кадр и настраивая автоспуск.

Лена подбежала к шоферам. Стала в серединке. Парни, почему-то сторонясь ее, теперь немного смущенно отстранились.

- Сейчас оно, – сказал я, устанавливая Zenit на крышу запорожца, – нас само щелкнет. А ну-ка! Подвиньтесь!

Я пролез в группу и стал позади репортерши. Все мы собрались под большой трафаретной надписью “Белка”. Zenit же, треща своим таймером, щелкнул, когда рычажок стал в первоначальное положение. Совершилась фотосъемка.

- Надеюсь нормально получится, – сказал я, улыбаясь девчужке.
- Увидите! Обязательно увидите! – Радостно сказала она и бросилась к фотоаппарату.

– Ну? А теперь расскажите, – спросила Лена, когда мы стояли у их с Петром запорожца, а все остальные шоферы, наконец, разбрелись по своим делам, – расскажите, как оно было дело с вашим механиком?

– Да что рассказывать? – Вздохнул я, – не один я там управился. Помогал мне весь гараж. И медсестра, что была в тот день у нас на дежурстве. Маша Фадина. И завгар наш, который поехал со Степанычем в кузове. И шоферы, которые его помогли в Белку положить. Общая это во многом заслуга. Не только моя.

- Вот значит как? – Но за рулем машины были вы.

– Был, – я кивнул, – за рулем Белки. И скажу вам, – хитро посмотрел я на девушку, – что Белка моя – счастливая машина. Стояла она долго в простое в тот день. И могла десять раз не завестись по разным причинам. Но завелась вот. Теперь она у нас что-то вроде счастливого талисмана.

- Вот оно как?

– Конечно, – я кивнул, – и буду я очень рад, если вы и про нее в своей колонке замолвите словечко.

– Конечно, замолвлю! – Девушка радостно улыбнулась, – получится просто чудесная история!

Вот и славно. Если про Белку напечатают в газете в хорошем ключе, думаю, развеет это ее репутацию. И со временем все станут воспринимать ее просто как очередную, простую машину. В том моя мысль и состояла.

– Ну, – сказал я, – дорогая Елена, рассказал я тебе свою историю. А теперь ты мне свою поведай.

- Какую же, свою? – Заморгала репортерша своими наивными глазами.

Я хмыкнул. Глянул на нее.

– Знаю я, что не совсем вы тут из-за меня. Понимаю, что, скорее всего, прицепилась ты к своему товарищу, что с завгаром сейчас разговаривает. А он приехал к нам, в Красную, совсем по другой причине. По поводу того самого соревнования между “нашими и импортными машинами”. Что за соревнование такое?

– Ну, – задумалась девушка, – сама я многого не знаю, – она замялась, – да и секретно это. Пообещайте, – она заговорщически оглянулась, – что не расскажете никому. И что я вам об этом рассказала тоже.

– Честное слово даю, – кивнул я.

Она помялась еще немного в нерешительности, но потом все же заговорила:

– В общем, известно, что будет в нашем крае проходить какое-то рекламное соревнование сельскохозяйственной техники этим летом. Прямо на уборке. Импортные образцы против наших. Какая техника? Не знаю я. И в каком колхозе тоже не знаю. Вроде как с лучших ударников труда соберут команду, которая должна будет показать в рабочем противостоянии с иностранцами превосходство нашей новой техники против ихней.

– Вот, значит, как, – задумался я.

– Ага. И вот, Петя по всем ближайшим колхозам колесит, разузнать пытается, не в них ли готовят ту самую команду.

– Не слышал я о таком.

– И мы пока еще не слышали, – сказала она серьезно, – вот и колесим. Выискиваем по крупницам этот материал. Вернее, Петя колесит. А я так, – она зарделась, – больше к вам приехала.

– Ну спасибо, Леночка, – надел я кепку от солнца, – рад был познакомиться с вами.

– Только не говорите Пете, что я вам сказала, – проговорила она полушёпотом.

– Я же сказал, – я улыбнулся, – честное слово дал.

– Спасибо! А фотографии я вам пришлю по почте! И смотрите себя в следующем нашем еженедельнике! – Крикнула мне Лена, когда я уже направился к своей машине.

В ответ я только обернулся и помахал ей рукой.

– Соревнование? – Нахмурился зампред Щеглов, когда я прямо спросил его об этом, – а откуда вы знаете про это соревнование?

Чуть позже утром, когда репортеры уже уехали, вызвал меня к себе завгар. Сказал, что меня ждут в колхозной конторе, чтобы ознакомить с приказом, по которому Белка переходит в мое пользование. Пришлось мне бросить работы по замене масла, даже их не начав.

В самой конторе секретарь направила меня к зампреду. Сказала, мол, хочет он меня видеть по какому-то важному делу. Именно тогда я и решил спросить его про такое вот соревнование.

– Да вот, донеслись некоторые слухи, – ответил я, пожав плечами.

– Что ж, – сидя за своим большим столом, зампред переложил с середины направо какие-то бумаги, – не слухи все это. Подробности я вам рассказать не могу. Но на высшем уровне решается сейчас, какой из колхозов будет эти соревнования принимать. Наш тоже есть в списках. И это большая ответственность. Провести их собираются, когда почти весь урожай будет убран, чтобы не отвлекать колхозников от работы. Выделят соревновательные небольшие поля, и вперед.

– А с кем будем соревноваться? И чем? – Спросил я.

– Не знаю, – уклончиво ответил зампред, – а тебе зачем такая информация? М-м-м? Землицын?

– Как это зачем? – Я притворился растерянным, пожал плечами, – у нас же тут, в станице, и не происходит ничего! А тут, может такое событие состояться!

– Вот, значит, как, – повел бровью зампред, – Ну ладно-ладно.

– А зачем вы меня к себе вызывали? – Спросил я.

Щеглов не ответил. Посмотрев на меня своими темными глазами, он несколько мгновений помедлил. Потом поискал в стопке бумаг одну, послунывил пальцы, чтобы цепче перебирать листы. Достал один, протянул мне.

– Приказ на Белку. Машина твоя, Игорь. Прошу, распишись, что ознакомлен и принимаешь колхозное имущество под свою ответственность.

Я расписался. Протянул листок Щеглову.

– А теперь, – Щеглов вздохнул, снял очки со своего полного лица, – есть у меня к тебе еще один вопрос, дорогой мой Игорь. Очень важный вопрос.

Я ничего не ответил, с интересом посмотрел в мокроватые от напряжения, конторские глаза зампреда.

– Заметил я в тебе, Игорь, ответственного работника, – начал зампред, – такого работника, который в любой ситуации останется находчивым. И такого, кто по рабочему делу очень амбициозный, и мог бы лучшую карьеру сделать, чем остаться простым колхозником. В люди выбиться.

– Вот, значит, как, – ответил я, – в люди.

– Верно. В люди, – зампред кивнул.

– И какой же у вас вопрос, Евгений Макарыч?

Глава 6

– Обыкновенный, – сказал Зампред буднично, – но вначале, хочу сделать небольшое его объяснение.

Я глянул на большие с деревом на циферблате настенные часы, которые висели в кабинете зампреда. Дело подходило к одиннадцати утра, а у меня еще ничего не сделано в гараже. Скоро уж полдня минет. И, выходит, полдня впустую.

– Если только рассказ ваш будет недолгим, – сказал я прямо зампреду.

– Совсем не долгим, – он кивнул. Помолчал пару мгновений. Потом засопел и продолжил:

– В общем, есть у меня традиция. Как ты помнишь, в последний раз, что виделись мы с тобой у озера, когда ты тянул того некультияпого паренька из воды, говорил я, что привык с трудолюбивыми колхозниками держаться на короткой ноге. Потому как считаю, что рядом с народом, с пролетариями мое место. Сам же я выходец из очень рабочей семьи.

– Так, – я кивнул, – и к чему же вы все это склоняете?

– Часто я приглашаю к себе домой, в гости, тех колхозников, – продолжал рассказывать Зампред с добродушным видом, – которых считаю настоящими ударниками. Вот тебя, Землицын, как я раньше уже сказал, я таковым считаю. И хочу это свою традицию с тобой продолжить.

– Вы меня что, – улыбнулся я, – приглашаете в гости?

– Именно что приглашаю, – благостно, но немного покровительственно возвестил зампред, – сегодня вечером, если ты не занят. Просто, у меня вся остальная неделя очень уж загруженная. А сегодня у меня и жена пораньше с колхоза уходит. Приготовит нам знатных харчей. Угощу тебя я своей наливкой, – Улыбнулся зампред, – ну так что? Не против ли ты будешь? Но только знай, – Щеглов сделал притворно-строгое лицо, – если ты откажешься, очень я на тебя обижусь, Игорь.

Я рассмеялся.

– Чудак вы человек, Евгений Макарыч.

– Вот такая простота мне в пролетариях и нравится, – он рассмеялся в ответ, однако взгляд его глаз будто бы стал каким-то жестким. А может, мне так показалось, потому как солнце за облако зашло и положило на зампредово лицо тень.

– Ну что ж, – без задней мысли пожал я плечами, – коль вам так чувствителен будет мой отказ, то я соглашусь. Во сколько мне быть?

– Часам к шести я буду вас ждать по вот этому, – зампред оторвал листочек настольного перекидного календаря и начеркал на нем ручкой, – по вот этому адресу.

– Ну что ж, – сунул я листочек в карман своих брюк, – не обижу вас. Буду к сроку.

Когда я вышел из кабинета зампреда, то совсем мало размышлял о его приглашении. Казалось оно мне интересным, но чем-то не особо в моей жизни особенным.

Я прошел по светлым, в побелке, коридорам колхозной конторы. Увидел, на четвертом этаже над одним из кабинетов табличку с надписью “Первичная организация ВЛКСМ СССР в станице Красной”. Несколько мгновений боролся я в нерешительности, а не зайти ли мне внутрь. Потом все же решил, что хватит с меня сегодня конторских да бумажных дел. Пошел дальше.

Спустился на первый этаж, в большой, наполненный растениями в горшках зал. В его правом краю висело на стене большое красное знамя. Под ним стояли белокожие бюсты Ленина и Сталина. Бросив на них взгляд, я прошел дальше.

Колхозный двор представлял из себя небольшое открытое, устроенное клумбами пространство перед четырехэтажной конторой. Справа и слева от входа стояли там красные доски

почета, наполненные рамками с черно-белыми фотографиями станичников. Сразу за ними стояли и другие доски. У одной из них встретил я своего знакомого.

– Привет, Саня! – Крикнул я знакомому своему милиционеру, тому самому долговязому парню, подчиненному Квадратько, кому приглянулась Света.

– Игорь? – Оторвался он от доски объявлений, – а ты тут какими судьбами?

Я сбежал по лестнице, быстро пошел к нему. Увидел я, что клеит он на доске какие-то объявления.

– Да вот, по работе машину получать приезжал. А ты?

– А я, – он показал мне листки с фотографиями, – с району передали.

– Разыскивается, – взял я листок со странно неестественным на нем лицом, – так, особые приметы... Леонид Сергеевич Лыков. Так это ж тот, с желтой автолавки, – сказал я задумчиво.

– Ну да, – покивал милиционер, – а вот бывший наш участковый, – он показал мне другой, такой же нелепый фоторобот, – Малыгин, который.

– Не похожи, – поджал я губы. Ни тот ни другой. А это? – Указал я на третий листок в его руках.

– Это, – он нахмурился, всматриваясь в нарисованный от руки портрет преступника. В его описание, размашисто написанное от руки, – Федот Иванович Маленков. Вот, – показал он мне и его.

– А этот похож, – нахмурился я, – всех троих ищут?

– Ага, – милиционер вздохнул, – пока только их. Потому как они повели себя подозрительней всего. Ну там и другие подозреваемые имеются. Правда, – он понизил голос, – об них я тебе не уполномочен рассказывать.

– Ну да ладно, – я кивнул, – ничего. Рад, что армавирское дело не стоит на месте. А как с моим?

– А с твоим глуховато, – пожал своими узковатыми плечами долговязый милиционер, – кстати, ты не поможешь мне? Очень уж неудобное это дело в две руки.

– Конечно, – принял я худенькую стопку бумаг с ориентировками.

Саня помакал маленький валик в такое же маленькое жестяное ведерочко. Размазал тягучий пряный клей по доске. Приняв от меня портрет, прислонил к доске. Принялся разглаживать.

– А это кто? Кажется, этот не из армавирского дела – Спросил я, всматриваясь в лицо чернявенького мужичка, что безразлично взирал на меня с листочка маленькими глазками.

– Не. А это с Аула, – ответил Саня, – Абан Бачмеков. Разыскивается. Вот. Попытка похищения человека.

– Станичную девку пытался похитить?

– Ага, – вздохнул милиционер, – уж в начале лета. Ирку Бесхлебнову чуть не увезли в аул против ее воли. Еле Мятый отбил. С тех пор чахнет над своей сестрицей, что кошей над златом.

– А в Ауле, конечно, не выдают, – поджал я губы, понимая.

– Неа, – Покачал головой Саня, – я тебе больше скажу. Его там, в ауле, кажется, и нету. Ну или так запрятанный сидит, что шуруй не шуруй, а не найдешь. Ты ж знаешь их, черкесов. Они друг за друга держатся как надо. И все равно им, кто промеж них не прав. Ну, пока за руку не поймают.

После новостей этих лучше я стал Мятого понимать. Уж я-то за Светку тоже сердцем болею. Постоянно борюсь с собою, чтобы не заточить ее и вовсе дома, чтобы уберечь. Умом, вроде, и понимаешь, что не спрячешь сестру мою от всех бед на свете. А с другой, только от одной мне нужно ее уберечь. От смерти.

Думал я, отпуская Светку с Сашкой Ивановским, с этим милиционером, что так, с ним, ей будет побезопасней. А вот черкесы мне, на прошлых танцах показали, что молодежь у них

бывает еще какая распоясанная. Решил я, что не стоит ей пока потемну ходить куда-то. Еще находится. А пока что мне нужно ее защищать.

– Мда, – Сказал задумчиво Саня, макая валик в ведро, – по-честному говорить, то в последнее время ихняя, аульская молодежь совсем расхотелась.

– Это как же? – Спросил я, а сам всмотрелся в портрет Ленки Лыкова.

Казался он мне совершенно на себя непохожим. Да и описание его особых примет было настолько скупым, что едва ли ни кто угодно под него мог подойти.

– Да вот также, – ответил Саня, – все чаще и чаще встречаются слухи, что станичных девок воруют с Красной. И понимаешь в чем дело? Девки-то, зачастую сами этим бывают довольные. Черкесские парни они лихие все, джигиты на кого ни глянь. Крутят девкам головы, а те и рады становятся, что их уворовывают. Да вот только, чувствуя к себе такое отношение, аульцы все наглее и наглее. Уже несколько случаев было с настоящим противвольным похищением женщин. Вот, – он кивнул на фоторобот черкесенка, – один из них.

– Стало быть, – вздохнул я, – не стоит молодых девок пускать с дому по вечерам.

– Стало быть, не стоит, – вздохнул Саша.

– А ведь Светка к тебе бегаёт гулять, – сказал я, – мама мне уже рассказывала. Уж второй или третий день бегаёт, пока ты на дежурстве небыл.

– Бегаёт, – сознался Саша, – но ты не подумай, – посмотрел он на меня как-то испуганно, – я честный и порядочный. Мы с ней в центре, под фонарями гуляем. На лавочке сидим в станичном парке. Там до нашего отделения два шага.

– Да знаю, я знаю, – сказал я сухо, – да вот только, сам понимаешь, время беспокойное, раз уж так, – кивнул я на портрет.

– Очень уж мы друг другу нравимся, – сказал грустно Саня, – неужто запретишь видаться? Я твою Светку уже знаю. Она своевольная девка, ей лишнего не скажи. Как если что ей вобьется в голову, так уж она не отступит. Сбежит ко мне.

Я задумался. Прав был, он если уж по-честному. Поговорить с ней? Может не понять. Горячее у девушек в этом возрасте сердце. А запретить – сбежит. И даже то, что ремня потом от папки схлопочет, не остановит Светку.

– Скажи мне, Саня, – начал я серьезно, – желаешь ли ты Светлане добра?

Саша нахмурился, поджал губы. Молчал недолго. Потом почесался под фуражкой задумчиво и сказал:

– Конечно, желаю. Только такой твой вопрос мне непонятен.

– А я сейчас поясню. Я поговорю со Светой, что пока лучше ей не гулять так уж открыто. Сам помнишь, что на нее черкесята положили глаз тогда, на танцах.

– Да помню-помню. Забудешь тут, – Отвернулся Саня смущенно.

– Так вот. И ты ей скажи, что пока не будете гулять. А коль уж захотите встретиться, лучше приходи к нам в гости. Или я Светку буду к тебе в гости привозить. Ну или днем встречайтесь. Днем-то не воруют.

– Днем не воруют, – просиял немного милиционер. Потом улыбнулся, – спасибо Игорь. Рад я, что ты такой понимающий человек.

– Доверяю я тебе, Саня. Что ты сделаешь все как надо, – сказал я, отдавая ему последний для поклепки листочек, – а мое доверие стоит много.

– Спасибо, что доверяешь, – улыбнулся он.

– Надеюсь, – я пошел к Белке, махая ему рукой, – ты его, мое доверие, не подведешь.

– Скажи мне, Дорогой Игорь, – начал Щеглов, когда парень пришел вечером к нему в гости, – а чего бы тебе самому хотелось? Есть ли у тебя какие-то желания?

По своему обыкновению, Евгений Макарович усадил Землицына на диван, под навесом своего двора. Сам расположился же с другого края дивана, у деревянного подлокотника.

На небольшом столике, что стоял тут же, уже дымились подготовленные заранее супругой зампреда щи. В летней кухне, в кастрюлях, закутанных вафельными полотенцами, ждало своей очереди второе: толченка из молодой картошки со сливочным маслом и свиные котлеты.

Евгению Макарычу очень хотелось поговорить с Игорем. Видел он в нем простака. Обыкновенного молодого парня, которому можно легко задурить голову обещаниями материальных благ, которых так мало было в жизни простого колхозника.

Щеглов всегда называл такую возможность, возможность получать тем или иным путем обильные материальные блага: импортную одежду, машины, дефицитную еду, расплывчатым выражением “выйти в люди”. И то, что в сотрудничестве с ним, колхозник “выйдет в люди” Щеглов обещал каждому молодому парню, которого собирался втянуть в свою преступную схему.

На деле же, он просто использовал их, этих людей. Потому что прекрасно знал, что “выходом в люди” все только начинается. Никогда нельзя утолить свои аппетиты, если уж они появились. Он, например, не мог. И новый свой аппетит, собирался он утолить в том числе и за счет Игоря Землицына. Вот только сначала нужно было глянуть: а как этот молодой мужчина ответит на его вопросы? Можно ли рулить им в достаточной мере? Есть ли в нем тяга к этому слепому обогащению, что так ярко проснулась в эти застойные советские времена у молодых людей?

– Конечно, есть, – сказал Игорь, принимая от жены Щеглова рюмку ягодной наливки.

– Очень хорошо, – улыбнулся Щеглов, – очень. У меня тоже есть. И я считаю, должны мы за эти наши желания выпить.

Игорь пожал плечами, и они чокнулись. Одним махом опрокинули свои рюмки. Закусили.

– И какие же они, твои желания? – Спросил Щеглов, – вот у твоего соседа, Саши Плюхина. Знаю я его хорошо. Особенно отца. У него есть мотоцикл. Он в комсомоле состоит. Надо думать, ты тоже хотел бы себе мотоцикл? Или машину?

– Ну, – задумался Землицын, – машина, это, конечно, хорошо. Да и мотоцикл тоже.

– Вот! Уже мне нравится такой разговор. А у меня, понимаешь, машина уже есть. Вот, хочу себе второй телевизор. Цветной. Какой-нибудь импортный. Рубин у меня уже есть.

– А зачем вам второй телевизор-то? – Улыбнулся Игорь.

– Ну, как же... – Замялся Щеглов, не ожидая такого странного вопроса. Что значит, зачем? – Поставлю его... в летней кухне, – придумал зампред.

– Будете с супругой порознь смотреть? – Как-то странно хмыкнул Землицын.

Щеглов смутился. Станным ему был такой ответ. Да кто ж не хочет импортной техники? Все хотят!

– А ты бы не хотел? – Улыбнулся Щеглов, – импортный телевизор, магнитофон, машину?

– Хотел, – кивнул Землицын, – но это дело наживное. За такими штуками не вижу я смысла гнаться. Понимаете, его ж хочется, только пока у тебя такого нету, а как получишь, быстро надоест. Пройдет радость от вещи. Потому как она всего лишь вещь.

Зампред нахмурился. Он нашел эту мысль молодого шофера очень странной. Несвойственной парню его, двадцати лет. Он даже находил эту мысль несвойственной себе. Потому как была в его характере главенствующая она. Накопительство, постоянный непрерывный рост благосостояния как сама цель. А какая ж еще у человека может быть цель?

– А за чем же ты готов гнаться? – Вопросительно приподнял бровь зампред.

Не нравилось ему, в какую сторону повернулся разговор. Потому как хоть и видно было по живым глазам Землицына, что был он амбициозным и живым, да только в какую-то не ту сторону эта амбициозность и живость были направлены. А в какую, зампред не понимал.

Землицын хмыкнул. Посмотрел на Щеглова как-то очень снисходительно. Очень этот взгляд зампреду не понравился. Потому как сам он привык на всех смотреть свысока.

– Скажите, – начал Игорь, – а теряли ли вы когда-нибудь близких людей? Щеглов нахмурился. Вопрос показался ему странным в высшей степени.

– Отец мой погиб на войне. Но я его почти не знал. А матери и подавно.

– А кто же был вашей рабочей семьей?

– Детдом, – припомнив свою лож про рабочую семью, выкрутился зампред.

– Значит, – Землицын не отрывал своего взгляда от глаз зампреда, и тот не удержался, отвел их вбок, – значит не теряли близких?

– Не терял, – сказал Щеглов, – потому как всю жизнь был я только сам себе близким. Рос в детском доме и терпел с детства лишения, пока в люди не выбился.

– А супругу свою? Любите? – Со странной улыбкой спросил Землицын.

Щеглов удивился. На самом деле, давно уж у него, сорока шестилетнего мужчины, пропала любая тяга к его потучневшей похожей на крашенную-напомаженную свинку жене. Была у зампреда тайная связь с молодой двадцатипятилетней секретаршей-комсомолкой Викочокй. Но то так, игрульки.

– Что за странный вопрос? – Нахмурился зампред, – я бы сказал неуместный.

– А дети есть? Как с ними у вас дружба идет?

Этот вопрос Щеглова просто возмутил. Потому как была у него дочь, но с ней он не поддерживал общение. Она давно сбежала от него с каким-то инженерчиком на север против всякой отцовской воли.

– Мне кажется, уважаемый Игорь Семенович, – сказал Щеглов необычно официально, – вы задаете странные и неуместные вопросы.

Земляницын посмотрел на него с какой-то странной жалостью. Это Щеглова просто взбесило. Он едва смог удержать в себе буйство эмоций. Как бы невзначай протер лоб белым платком.

– Тогда вы, Евгений Макарыч, – начал Игорь, – не за тем чем-то гонитесь, скажу я вам.

Щеглов не знал, что ответить. Однако, он твердо решил, что не хочет иметь с этим человеком, с Землицыным, никаких дел. Был он какой-то непонятны, а значит, непредсказуемый. И, скорее всего, неуправляемый. Горько в нем ошибся Евгений Макарыч. Горько разочаровался.

– Наелся я, – сказал Землицын, едва притронувшись к супу, – скажите, а где у вас тут есть руки помыть?

– На огороде, – сказал суховато зампред, – есть водяная колонка.

– Ого, – хмыкнул Землицын, вставая, – целая колонка. А у нас одна на целый квартал.

Зампред посмотрел на Землицына неприязненно, проводил его взглядом за дом, туда, где был проход в огород.

– Мда, – пробурчал себе под нос Зампред, – с ним, с Землицыным, по клубничному делу каши не сварить...

Внезапно лязгнула железом калитка. Зампред аж вздрогнул. Кинул взгляд через двор, к забору. Там уже шел к нему энергичным шагом Пашка Серый.

– Я вырвался, – крикнул он радостно, словно лакей, сообщающий хозяину приятную вещь, – вырвался ехать клубнику продавать!

Глава 7

– Я вырвался ехать, клубнику продавать! – Услышал я знакомый сипловатый голос Пашки Серого.

Вот только интонация его была необычная. Не холодная и отстраненно-насмешливая, как обычно, а подхалимская. Вот значит, как... Стало быть, с зампредом у них какие-то дела... какая-то клубника.

Слышал я все это, когда пошел к колонке, но услышал лязг калитки и крик Серого, замер за кирпичной стеною зампредовского дома.

С самого первого вопроса, который зампред мне задал, как бы соблазняя достатком, закралось у меня странное подозрение. Понял я, что что-то тут нечисто в этом деле.

Когда-то, еще в десятые года моей прошлой жизни, вписался один мой товарищ, у которого наступил и в семье, и на работе разлад, в одну губительную схему чужого обогащения.

Прибежал он ко мне довольный, сказал, что решены все его проблемы с деньгами. Что теперь будет он богатый. Ну, я сначала порадовался за друга, а потом спросил, что же он за дело такое нашел. Друг радостно рассказал мне о своем везении.

Оказалось, попал он просто в дурацкую рекламную пирамиду. Не такую нахальную, как в свое время мавродивская МММ, но тоже малоприятную. Где на простых наивных людях наживаются местные менеджеры.

Тогда и предложил я другу своему сходить вместе с ним к начальнице этой пирамиды. К некоей Тамаре Михайловне. Друг обрадовался, потому как там, если с собой привести еще человека, обещают тебе за него деньги.

Ну вот, мы и пришли. Разодетая, в золоте и жемчуге Тамара Михайловна обещала нам золотые горы. Обещала большие заработки и легкую работу. А начала она совсем так же, как зампред. Тогда отвел я и себя и друга от такой бесполезной затеи.

Проблема была и Тамары Михайловны, и зампреда Щеглова, что и та и другой хотели соблазнить благами того, кого считали глупее себя.

– Да не кричи ты, Пашка, – слышал я приглушенный зампредов полуголос, – не вовремя ты. Где весь день был?

– Решал с поездкой. Теперь-то уж я могу с Кашевым и Микиткой ваши рейсы с клубникой на побережье делать!

– Молчи! Молчи, дурень! Я тут не один! А вообще, чеши в летнюю кухню и сиди там, как мышь под метлой!

– Ой! Игоречек! – Подкралась ко мне сзади супруга зампреда, – а что это вы тут делаете? Тучная женщина несла в руках румяные помидоры, что сорвала на огороде.

– Руки я мыл, – улыбнулся я, – а теперь, вот, топаю назад.

– Нашел ты, милоч, колонку?

– Нашел-нашел, – отмахнулся я и пошел обратно на двор зампредов.

– Помыл? – Обернулся притихший было зампред.

– Да помыл-помыл. Ну что ж, Евгений Макарыч. Пора мне.

– И верно, – посмотрел зампред на меня с наигранной добротой, – пора. У нас еще дел много. Огород надобно полить. Засуха сейчас. Дождей почти и не бывает.

– Ну тогда, – кивнул я слегка, – спасибо за гостеприимство.

Обернулся я к входу и зашагал. Видел боковым зрением, как провожает меня своими маленькими злыми глазами Пашка серый из маленького окошка летней кухни. Еще один, не менее злой взгляд, чувствовал я на своей спине. Взгляд Щеглова.

Через день утром Пашка Серый, как они с Щегловым и договорились, приехал на один из сельповских магазинов. Пашка очень удивился, когда зампред позвал его встретиться именно здесь, потому как раньше в таких местах они не встречались.

Когда Пашка приехал к небольшому магазинчику со звонким названием “Казачок”, внутри никого не было.

Войдя внутрь, застал он там полупустые полки да толстую продавщицу с недовольным лицом.

– Хлеб уже разобрали, – буркнула она.

– Я не захлебом, – сказал Пашка, – я к Евгению Макарычу.

Продавщица нахмурилась. Поднявшись с табурета, на котором сидела за прилавком, она трухнула вислыми своими щеками.

– Таких не держим, – сказала она мерзким тоном.

– Ты чего, баба дурная? – Разозлился Пашка, – Сказано мне было сюда приезжать. Я и приезжаю! Чего плетешь такое!

– Ты никак с ума выжил! Водки, поди допился, – подбоченилась тетка, – морда вон, бледная и страшная, как у алкаша!

Пашка пошел на продавщицу, попер на нее крепким матом. Женщина, к его удивлению, не растерялась. Оборонялась она достойно. Иногда такими матюками, которых и сам Пашка не знал.

Чуть было промеж ними драка не завязалась Елси бы не захрустел на улице под чужой машиною щепень. Увидев знакомую волгу, тетка затихла. Пашка тоже, обернувшись, глянул, как из машины выбираются зампред и директор сельпо.

– Ну вот! К ним я! К ним! А ты чего разоралась! Дуреха!

– Ты что?! – Не поверила тетка, – к Кириллу Денисовичу? К начальнику нашему?

– Да не к нему! А к тому, кто рядом с им идет! К Евгению Макарычу!

Двое чиновников вошли в магазинчик.

– Здравсти, Кирилл Денисович! – Тут лицо продавщицы стало подобострастно заискивающим, – А это что, ваш хлопец?

– Мой-мой, – хмуро ответил начальник сельпо.

Серый вообще заметил, что и Щеглов, и Петренко были оба с лицами чернее тучи. Оба хмурились, поджимали губы и сводили к переносицам пушистые брови. Не понравилось это Серому. Стало у него на душе неспокойно.

– Проводи нас, Марфа, – сказал Петренко, – в подсобное помещение. Ну и подай, как обычно.

– Сейчас-сейчас! – Засуетилась она.

Женщина побежала к выходу, закрыла деревянную в маленьких окошках дверь. Вставила в раму табличку со словом “Ревизия”.

Потом все они вчетвером прошли за прилавок. Марфа завела их вглубь магазина. Там, проходя мимо заметил Пашка стоящие в кладовке ящики с тушенкой и спиртным. Висели на стенах связки копченой колбасы. Стояли круглыми большими шайбами сыры.

Совсем уж не вязалось такое складское изобилие с тем, что стояло на полках. Пашка хмыкнул. Все есть, да не про вашу честь, значит.

Марфа провела их в небольшую комнату, где под маленьким висевшим высоко окошком стоял небольшой стол. Пригласила всех сесть.

Зампред и директор сельпо расположились за столом как у себя дома. Пашка повременил.

– Садись, чего стал? – Грубовато бросил Щеглов. Пашка послушался.

Марфа прибежала через минут пять. Постелила на стол белую новую скатерть. Еще через минутку принесла графин водки. Потом подоспела нарезка, сало, сыр, колбаса со свежими

овощами. Душистый станичный хлеб и молодые лук с чесноком на зеленых ножках и с белыми головками.

Зампред молча налил всем. Выпили, как на похоронах. Почему-то не чокаясь.

– Ну что, – начал Щеглов, дожевывая ломоть колбасы – веселые у нас новости. Очень веселые.

Пашка Серый беспокойно поглядел как и зампред и директор Петренко сверлят его хмурыми глазами.

– А что вы? Продырявить меня хотите, что ли? – Не выдержал Серый, – что так смотрите?

– А как же тут еще смотреть? – Вздохнул Петренко.

– Позвонил мне вчера мой... товарищ с прокуратуры, – Начал зампред Щеглов, – к следствию подключили дело о разбойном нападении, с которого вся каша и заварилась. Документы Квадратько вчера лично перевез в районный отдел.

Серый не ответил. Только посмотрел непонимающими глазами.

– Заявитель наш это Землицын, – сказал зампред сухо, – а налетчиков еще не распознали.

– Так вы потому такие скорбные? – Рассмеялся немного растерянно Серый, – а я-то уж думал, что-то недоброе приключилось.

– Совсем уж это недоброе, – ответил директор сельпо Петренко, – потому как товарищ Щеглов, чуть было не впутал его, человека кто, может, со следствием в этом деле сотрудничает, в наши дела.

– М-да, – опустил глаза зампред грустно, – дал я тут маху. Ничего не скажешь.

– Позвал возможного врага, – продолжал холодным тоном Петренко, – к себе домой. А теперь...

Он замолчал, посмотрел на зампреда, как бы выжидая, что тот подхватит ответ.

– Что теперь? – Не понял Серый.

– А теперь, – сказал все же Щеглов, – думаю, что мог он, Землицын, слушать наш разговор. Жена видела его, спрятавшегося за домом, как раз когда ты, Серый, пришел.

Серый нахмурился. Поджал тонкие свои губы. Неожиданной была новость. А если, да? Если Землицын и правда слышал? Что тогда?

– А чего же нам делать-то? – спросил Серый.

– Мы с супругой уже подчищаем кое-какую интересную колхозную документацию, – сказал Щеглов, – но этого может быть недостаточно.

– Остается еще у них возможный свидетель, – Сказал Петренко. Это сам Землицын. И мы не знаем, донес ли он уже, или еще нет. Всякое может быть.

– Если б донес, – сказал убежденно Серый, – уже бы пошли проверки. С армавирским сельпо они лихо.

– А может, и не пошли, – отрицательно покачал головой зампред, – может, они целятся. Только присматриваются, как бы лучше наш клубок размотать.

– И что же делать? – Серый растерянно водил взглядом от Петренко к Щеглову.

– Ну, перво-наперво, – сказал зампред, – клубника наша отменяется. От греха подальше. А второе... Второе, покумекали мы тут с Петренко. У тебя же против Зимлицына в среду товарищеский суд?

– Да, так и есть, – кивнул Серый.

– А на товарищеском суду, – продолжил за Щегловым директор сельпо, – если уж выясняется причастность сторон к уголовным делам, суд должен об этом немедленно сообщить в органы.

– А я, – сказал Петренко, – как один из судей буду настаивать на увольнении Землицына с гаража.

– Отстранить мы как можно быстрее его должны от нас. Любыми средствами, – сказал Зампред, – любыми! И есть у нас мысль, дать на него показания в том, что он якобы к армавирскому делу причастный.

– Это как же? – Не понял Землицын.

– Разговаривал я с Ленкой Лыковым, – начал директор Сельпо, – когда прятался он у меня сутки другие. Рассказал он, что видела их всех вчетвером одна пожилая жена. Ну, когда егошний пирожок стал, а Землицын мимо на газоне ехал.

– И что?

– Подготовим мы ее. Скажет на суде все что надо. Проявится тут связь между Землицыным и остальными участниками дела, и будут эту связь проверять. Намурыжат его как надо. Ни до нас ему будет.

Серый почувствовал, что ему жарко. Разволновался.

– А как жиж я все это проделаю-то? – Сказал он, – я ж в таких делах не грамотный!

– Поможем. Натаскаем. – Заявил зампред, – надобно нам Землицыну такую жизнь устроить, чтобы ему вообще не до чего было, кроме собственной драной шкуры.

– Слишком уж близко к ядру нашей... организации, – подобрал слово Петренко, – мы его подпустили. Нужно обезопаситься.

– А ежели он попадет на следствие да расскажет? Или уже рассказал? – Сказал Серый.

– И так и сяк слова его будут проверяться, – сказал Щеглов, – мурыжить будут его, может быть даже как подозреваемого. С нас тогда взгляд отведут.

– Документы мы почистим, – сказал Щеглов, – а ранние его показания уголовный суд, после причастности к армавирскому делу, будет теперь воспринимать с подозрением. Это я тебе, как бывший юрист говорю.

– Понял, – кивнул Серый, – значить... надобно ему такую жизнь устроить, чтобы за собственной шкурой он только смотрел. Такое я могу.

– Ривизия? – Удивилась Света Землицына, стоя перед дверями сельповского магазинчика.

Сегодня утром она проспала и забыла за хлебом. В ларьке, что был близко к дому все разобрали, и Светка проверяла на хлеб уже четвертый магазин. Далеко, почти к самому краю станицы она забралась. И тут тоже магазин, как назло не работал.

Света сунула личико в стеклянное окошечко двери, прислонила руками от солнца. Через грязноватое, засиженное мухами стекло было видно, что внутри кто-то был.

Она видела продавщицу. Видела трех мужчин: двоих зрелых, одетых по чиновничьи, а третьего... Третьим был Пашка Серый. У нее аж поджилки затряслись, когда она его увидела.

Пашка говорил с одним из мужчин. С тем, у кого были седые волосы и нос с горбинкой. Говорили они тихо, и Света не могла услышать.

Когда мужчины пошли на выход, Света отскочила от двери. Быстро что было сил побежала за магазин.

– Это чего было-то? – Прозвучал Пашкин сипловатый голос.

– Чего? – Другой, немного высоковатый мужской.

– Будто топтался кто-то у порога.

Света услышала, как мужчины стали ходить перед магазином. Не теряя времени она юркнула за зданьеце, притихла.

– Да нет тут никого. Показалось.

– Мож птица, – отозвался Серый.

– Ну, пойдем уж.

Света выбралась из своего схрончика, только когда услышала, как уехали машины. Заходить в этот магазин ей больше не хотелось.

– За такое дело, – сказал Альмир, – плата будет немалая.

Пашка Серый заглянул в маленькие хитрые глаза черкесенка, поджал губы.

На краю станицы, далеко за гаражом, стояла большая, сложенная из выбеленных бетонных плит автобусная остановка. Бежала тут трасса, что улицей Ленина проходила через Красную, и вела дальше в хутор Солнечный.

Здесь же, у остановки, отделялась от этой дороги другая. Бежала она сквозь широкий лиственный лес, да мост через Уруп к аулу. Черкесы, чтобы добраться до города, выходили сюда, на остановку, чтобы дожидаться автобусного рейса. По ночам собиралась тут черкесская молодежь. Решала, куда же им сегодня ночью податься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.